

Сенсационный

ПРОЕКТ ИГОРЯ ОБОЛЕНСКОГО

Четыре подруги эпохи

*Мемуары
на фоне столетия*

Гурченко, Раневская, Орлова, Фрейдлих и другие...

Игорь Викторович Оболенский

Четыре подружки эпохи.

Мемуары на фоне столетия

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6371118

Четыре подружки эпохи. Мемуары на фоне столетия / сост. И.В. Оболенский.: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-081620-0

Аннотация

Они всегда на виду. О них всегда говорят.

Пришло время, чтобы заговорили они сами: о времени, судьбе, карьере и плате за успех. О том, о чем их хотел бы спросить каждый.

Среди действующих лиц – загадочные легенды прошлого и настоящего: вечно молодая Любовь Орлова, сломавшая свою жизнь Валентина Серова, непонятая Фаина Раневская, одинокая Рина Зеленая, своевольная и противоречивая Екатерина Фурцева и многие другие – Татьяна Доронина, Виктория Токарева, Алиса Фрейндлих, Элина Быстрицкая, Галина Вишневская, Людмила Гурченко...

Они рассказывают о себе самое главное и сокровенное – семье и предательстве, успехе и расплате за него, триумфах и трагедиях.

Со страниц этой книги открываются неизвестные грани невероятных судеб подруг эпохи, чьи непридуманные истории – фотография века.

Содержание

Вместо предисловия	4
Часть первая	5
Простые истины	5
Москва – Тбилиси	10
Без вины виноватая	21
Эшелон	26
Ее формула	32
Часть вторая	35
Царица по жизни	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Четыре подруги эпохи. Мемуары на фоне столетия (Литературная записка, перевод и оригинальный текст – Игорь Оболенский)

Вместо предисловия Дивы, музы, легенды...

Первой героиней этой книги стала легендарная Софи Лорен.

Мы познакомились летом 1997 года, когда знаменитая итальянка приехала на Московский кинофестиваль. Конечно, тогда я не думал, что рассказ о встрече с Лорен станет одной из глав будущей рукописи.

Потом было много других встреч с удивительными женщинами, изменившими наше кино, театр, литературу. Добиться их согласия на беседу было не так-то легко. Но тем, наверное, дороже результат.

Все собеседницы произвели на меня большое впечатление, общение было незабываемым.

Да и немудрено, одни имена чего стоят: Татьяна Доронина – восклицательный знак, Галина Волчек – восклицательный знак, Алиса Фрейндлих – восклицательный знак.

А еще были Галина Вишневская, Вия Артмане, Людмила Гурченко...

Продолжать можно долго, но не стану – оглавление есть в конце, а сами истории начнутся уже со следующей страницы.

Скажу лишь, что для меня составление настоящей книги стало возможностью еще раз совершить своего рода прогулку по прошлому – годам, когда я, волнуясь, набирал телефонные номера своих великих современниц и просил их о встречах. Случалось, слышал отказы. Не всегда разговор складывался. Но бывали, надеюсь, и удачи.

Некоторых героинь этого сборника я не мог знать в силу возраста. Имею в виду личное знакомство.

Любовь Орлова, Валентина Серова, Клавдия Шульженко, Вера Мухина...

Зато с неожиданных сторон мне открывались перипетии их судеб и карьеры, за которыми скрывалась реальная личность персонажей, чья история – фотография века.

Потому, наверное, мне и было столь интересно заниматься всем этим. «Учить жизнь не по учебникам», – как пел герой моей книги, посвященной легендарным мужчинам XX столетия.

Теперь появилась и книга о женщинах. Четырех подругах эпохи...

Часть первая Эпоха живых легенд

Простые истины Актриса Алиса Фрейндлих

Она всегда была одной из моих самых любимых актрис. О непростом характере Алисы Бруновны ходят легенды, а потому у меня даже не возникало идеи повстречаться с Фрейндлих и записать интервью. Желание, конечно, было. Даже домашний номер ее питерской квартиры имелся. Но от телефонного разговора до встречи расстояние еще больше, чем от Москвы до Санкт-Петербурга.

Сама актриса в столицу приезжает не часто, но увидеть ее на московских подмостках, во время гастролей, возможно. Вот и в тот раз вместе с Олегом Басилашвили они привезли в Москву спектакль «Калифорнийская сюита».

Уже не помню, при каких обстоятельствах я оказался на служебном входе Театра эстрады, на сцене которого проходили гастролы. Оставалось минут двадцать до начала и я собирался выйти на улицу, чтобы успеть добежать до зрительского входа.

В этот момент к зданию театра и подъехала машина, из которой вышел пожилой человек с загипсованной ногой. Само собой, я помог ему добраться до помещения и проводил до лифта. Улыбнулся в ответ на его благодарность и приготовился ретироваться, когда услышал вопрос, не хочу ли я посмотреть спектакль.

– Спасибо, у меня уже есть билет. Я как раз собирался в зрительный зал.

– Как же мне вас отблагодарить за помощь? Что значит, не за что! Вам ничего не стоило мне помочь, а мне ничего не стоит... Ну, хотите я вас с Алисой Фрейндлих познакомлю?

– Очень! А это возможно?

Вместо ответа мой новый знакомый, который, как я потом узнал, был одним из продюсеров спектакля, громко крикнул: «Алиса!» и откуда-то сверху раздалось: «Я здесь. Ты уже приехал?» Голос Алисы Бруновны я бы не спутал ни с одним другим.

Переходя к развязке, скажу, что уже через несколько минут я был представлен Фрейндлих и получил приглашение в гостиничный номер, в котором она остановилась.

Мы увиделись на другой день после спектакля. Стоит ли говорить, что публика принимала Фрейндлих и Басилашвили на ура. Алиса Бруновна и Олег Валерианович играли супружескую пару, но в антракте едва ли не половина зала припоминала другую ипостась актеров – директора Калугиной и ее заместителя из комедии Эльдара Рязанова.

Удивительно, но, сыграв десятки ролей (и зачастую каких!) в театре и кино, для большинства зрителей Алиса Бруновна действительно прежде всего Мымра из «Служебного романа». Кстати, несмотря на сумасшедший успех картины, удостоенной Государственной премии, Фрейндлих была единственной, кто эту самую премию не получил.

– Было обидно, что лауреатами стали все, кроме вас?

– Нет, я настолько привыкла к каким-то ограничениям, которые были приняты в Советской России. Мне было даже смешно.

– А не обижает, что в первую очередь вспоминается Мымра из «Служебного романа»?

– Немножечко. Но ведь это действительно так. Хотя успех этого фильма у молодого зрителя для меня – загадка. Кстати, Эльдар Александрович приглашал меня на роль Шурочки Азаровой в «Гусарскую балладу» (ее потом сыграла Лариса Голубкина). Но не сложилось. А вот в «Служебном романе» действительно получилась неплохая работа.

«Ключевой в фильме была, конечно, роль Калугиной, – вспоминает Эльдар Рязанов. – Недаром в качестве одного из вариантов названия картины долго обсуждалось такое – «Сказка о руководящей Золушке». И если прекрасным принцем в конце фильма окажется неказистый поначалу статистик, то несимпатичная Мымра должна быть преображена талантом исполнительницы в очаровательную принцессу. Во время съемок мы подружились. Не попасть под очарование Алисы Бруновны – женское, человеческое, актерское – было невозможно».

Прав Эльдар Александрович, прав на все сто. Невозможно не только не попасть под обаяние Актрисы, невозможно не влюбиться в нее. Наша беседа с Алисой Бруновной состоялась в одной из гостиничных комнат, где из всей обстановки были письменный стол, стул и непонятно каким образом и с какой целью туда попавший большой резиновый шар.

«Значит, так, Игорь, – попыталась распорядиться Фрейндлих. – Вы садитесь на стул. А я... А я вот на шар сяду. Ничего, мне удобно будет».

Разумеется, никто не позволил актрисе изобразить из себя спортсменку, отдыхающую на своем спортивном снаряде. Мы отправились в кафе и там поговорили. Но отсутствие звездного пафоса, искренность и простота Фрейндлих меня покорили.

– Получается, в своей шкале ценностей вы у себя не на первом месте? Вы для себя не самый близкий человек?

– (Смеется.) Не-ет. Во всяком случае, в моей жизни достаточно компромиссов.

– Откуда взялся миф о вашем несносном характере?

– Вы это серьезно? Неужели такое обо мне говорят? Интересно, с чего бы это.

– Но вы можете, если нужно, поставить зарвавшегося человека на место?

– Иногда нахожу в себе какие-то силы и аргументы, чтобы это сделать. Но иногда теряюсь. И только задним числом, когда становлюсь такой умной, думаю, почему же я это не сказала.

– Многие журналисты боятся даже звонить вам.

– Я очень часто отказываюсь от интервью. Мне каждый день звонят по пять человек. Со всеми разговариваю лично. Потому что, поставь я автоответчик, буду вынуждена выслушивать разных дур, которые звонят и молчат. Или их монологи.

– Обидно, когда о вас говорят неправду?

– Ну а как же? Как у всех Стрельцов, у меня обостренное чувство справедливости.

Родители Фрейндлих – Бруно Артурович и Ксения Федоровна – познакомились в театральной студии. Правда, через несколько лет после рождения дочери их пути разошлись. Бруно Фрейндлих, отправившись с театром во время войны в эвакуацию, вернулся в Ленинград с новой семьей. А Ксения Федоровна во время войны работала на военном заводе, а затем – старшим контролером в Центральной сберегательной кассе Ленинграда.

– Алиса Бруновна, почему родители вас назвали Алисой? Тогда это ведь было достаточно редкое имя?

– Да. Тогда даже книжка Кэрролла «Алиса в стране чудес» не была переведена. Это папа придумал. Не знаю, что пришло ему в голову. У мамы были совсем другие намерения – она хотела назвать меня Наташей. На что бабушка и папа сказали: «Что же ты создаешь

девочке такую странную кашу – Наталья Бруновна Фрейдлих». В результате меня и назвали Алисой.

– **Детство часто вспоминаете? Какие у вас самые яркие воспоминания?**

– Они, конечно, фрагментарные. Помню, болела скарлатиной и была вынуждена сидеть дома. Бабушка обычно брала меня с собой в булочную и покупала мне пирожное. А тут я проснулась утром – бабушка уже ушла. Я поставила табуретку к двери, открыла задвижку и прямо в ночной рубашке побежала за бабушкой. А надо было перейти 3–4 дороги. Когда я бабушку нашла, мне сильно попало. Тогда были такие времена – пока меня не было дома, дверь была нараспашку и никто не зашел.

А еще помню, когда папа приходил с репетиции, обязательно ложился днем поспать. Для него дневной сон был как «Отче наш», для того чтобы создать себе после утренней репетиции перед вечерним спектаклем иллюзию нового дня. Папа и мне эту необходимость передал. И вот однажды он прилег и оставил меня совершенно одну – бабушка чем-то занималась, мама ушла на работу. Я долго ходила вокруг него кругами, не давая заснуть. И когда он наконец задремал, карандашом ткнула ему в глаз. Хотела таким садистским образом разбудить его. Была за это выпорота и поставлена за печку в угол. Помню, будто это было вчера.

– **Есть ностальгия по тому времени?**

– Я не помню настолько то время, чтобы судить о нем с тех позиций, с которых я сужу сегодня. Это же было до войны.

– **Когда вы росли, кто был велик для вас?**

– В самой юности я была в упоении от Марии Бабановой. Причем в первую очередь от элегичности ее голоса. В нем для меня была какая-то музыка, предмет для подражания. Я меньше видела ее на сцене, чем слышала по радио. Рисовала себе ее облик и представляла, что она в это время делает на сцене. Когда появилась картина «Дорога» в 60-х годах, я влюбилась в Джульетту Мазину.

В том, что она станет актрисой, сама Фрейдлих не сомневалась никогда. Вот только поначалу не могла определиться, какой актрисой становиться – музыкальной или драматической.

«У меня был хороший голос, – говорит Алиса Бруновна. – Высокое меццо-сопрано, довольно редкое, и меня прочили в консерваторию».

Решающим оказалось мнение отца, с которым, несмотря на категорические возражения его второй жены, Алиса встречалась. Бруно Артурович прямо сказал дочери, что на оперной сцене она потеряется («Ты же кроха, а там фактура нужна»), а вот на драматической сцене она сможет и голос использовать, и внешность ее не будет помехой.

Разумеется, избежать разговоров о том, что вот, мол, известный артист пытается пристроить свою дочь, не удалось. Однако Алису кривотолки нисколько не раздражали.

– Видимо, у меня оказалось крепкое темечко – я просто не впустила их в себя. К тому же любое шушуканье вызывало во мне приливы здоровой злости: доказать, что я и сама по себе кое-что значу. Увы, Варя, моя дочка, в этом смысле не в меня и ушла из профессии именно из-за бесконечных пересудов за спиной: похожа или не похожа, отдыхает природа или не отдыхает.

– **Алиса Бруновна, а вообще вам тяжело жить?**

– Бывает и так и так. В общем, непросто. Я сегодня все чаще и чаще – может, это связано с возрастом, когда оценки не такие легкомысленные, – вспоминаю, что Раневская попросила написать на своем надгробном камне: «Умерла от омерзения». Люди теряют нравственность с такой бешеной скоростью, что мне страшно становится за внуков. Они же попадают в эту атмосферу и возрастая будут в ней. Что из них получится, когда они вырастут и станут выбирать себе ценности, когда им выбирать-то почти не из чего.

– **Вам, может быть, свойственно себя «накручивать»? Все на самом деле не так уж плохо, а вы себе внушаете, что все ужасно.**

– К сожалению, я склонна преувеличивать всякие негативные мысли. Потом пытаюсь это подавить в себе. Понимаю, что мысль энергетична. Но первый импульс – страх. Это плохое качество. Но оно есть. Я очень многого боюсь.

– **Чего?**

– Того, что что-то случится с моими близкими. Что повернется не так, как мне хотелось. До сих пор боюсь сцены, особенно если долго не было спектакля или какая-то новая непривычная обстановка – город, страна, зал. Это постоянные страхи. Другое дело, что я пытаюсь их чем-то гасить. Знаю, что страх не приводит к хорошим результатам. Это и есть предмет какой-то внутренней борьбы.

– **Внуки быстро выросли?**

– Вот тут как раз нет. Они ведь на моих глазах растут. Иногда даже думаю: что же они так медленно взрослеют, я же не успею увидеть их большими. А мне этого очень хочется.

Личная жизнь актрисы... Впрочем, на то она и личная, чтобы о ней знала лишь сама Фрейндлих. А мы знаем лишь имена ее двух мужей – журналиста Владимира Карасева и знаменитого театрального режиссера Игоря Владимировича, в браке с которым у нее родилась дочь Варя.

– **Чем занимается Варя?**

– Она самокритичный человек. К счастью. Занялась тем, что нарожала детей. Они потребовали от нее времени. В театре она вообще ничего не успела. Отец ее звал в театр, пока еще был жив, я звала в театр, но она сказала: «Нет, нет, не хочу. Если только в кино». Потому что кино – это как бы не моя область. Она не попадала со мной в одно русло. В киношке у нее есть два или три опыта...

Кстати, сама Варя на сцену не очень-то и стремилась. «Мои родители страстно мечтали, чтобы я пошла по их стопам, – рассказывает она. – Помню, мама наигрывала на рояле и пела какую-то детскую песенку, провоцировала меня, чтобы я за ней повторяла, хотела понять, есть ли у ребенка слух. Вот она поет, а я молчу. Она: «Ну, Варенька, я сейчас спою, ты за мной повтори, а потом мы вместе споем». Я молчу. Долго смотрю на нее тяжелым взглядом, а потом говорю: «Поешь? И пой!»

Актрисой я быть не собиралась, но хотела что-нибудь близкое к театру. Все-таки выросла я за кулисами. Решила пойти на театроведческий факультет. Но мне там было скучно. Через год пошла-таки на актерский. Подумала: даже если ничего потом не получится, я хоть время весело проведу. А когда «потом» наступило, я струсилась. Не пошла работать в театр, не почувствовала в себе уверенности. Тут мама такая, тут папа такой... Ну что я? И пошла на телевидение. Работала там ассистентом режиссера».

Несколько лет назад Варвара вернулась в профессию и сыграла в спектакле «Калифорнийская сюита», где ее партнерами стали Алиса Фрейндлих и Олег Басилашвили. Впрочем, называть этот спектакль «возвращением» не совсем корректно, потому как вся роль Владимировой – девочки по вызову – заключалась в молчаливом возлежании в постели горемужа, которого играл Басилашвили. Правда, безмолвно возлежать ей приходилось на протяжении целого акта.

Главная же работа Вари – быть матерью двоих очаровательных детей.

– **Как вы думаете, человек сам делает жизнь или все предписано свыше?**

– Верю, что что-то предписано. Но понимаю, что каждому дается шанс. Вот сказка: пойдешь, перед тобой будут три дороги – одна туда приведет, а другая туда. Сказка. Всегда найдется какой-то вариант. Если хватает здравого смысла или интуиции поступить верно.

– **У вас хорошая интуиция?**

– Бывает, что попадаю впросак. Но понимаете, какая штука... Я пришла к выводу, что лучше прислушиваться к интуиции. Бывали случаи, когда я слушала свой первый внутренний посыл – и он оказывался правильным. Но если я начинала размышлять и выбирала что-то другое, то потом об этом жалела.

– **Вам вообще свойственно сожаление?**

– Да. Эти размышления – урок на будущее.

– **Что вам сегодня нужно для счастья?**

– Во-первых, чтобы мои дети и внуки были здоровы и в безопасности. Поскольку момент опасности в нашей жизни сегодня очень значителен. Или если бы вчерашние аплодисменты после спектакля достались моей дочери Варя, а я бы в это время сидела в зрительном зале.

– **Вы позволяете себе иногда лениться?**

– Я могу полениться в быту. У меня такие завалы всяческих бумаг дома – сценарии, пьесы, что мне нужен месяц, чтобы во всем этом разобраться и навести порядок. А я думаю: «Ладно! Умру, Варя, дочка, бульдозером все вывезет из дома». Только предупреждаю: «Варька, все подряд не вышвыривай. Потому что среди бумаг может быть автограф Астрид Линдгрэн или записки Тарковского».

– **У вас есть любимые философские высказывания или пословицы?**

– Если я где-то вычитываю замечательно сформулированную самостоятельную мысль, то с удовольствием пользуюсь ею. Когда я училась в институте, мой педагог постоянно повторял: «Если бы молодость знала, если бы старость могла». Мудрость этой фразы я осознала гораздо позже. Пословица «Маленькая ложь рождает большое недоверие» сослужила мне добрую службу, когда у меня подрастала дочь. У меня было мало времени на ее воспитание, хотя я убеждена, что наставления ничто по сравнению с собственным примером. Однажды Варя не сделала уроки, а мне сказала, что все в порядке. В наказание я заставила ее целую тетрадку исписать этой фразой. И достигла успеха. Слава тебе господи, я больше никогда не словила ее на том, что она сказала неправду.

– **Земную жизнь ведете? Ходите по магазинам?**

– Раз в десять дней ко мне приходит очень милая женщина, которая убирает. И есть женщина, которая готовит. Это то, на что у меня не хватает времени. Что касается магазинов, то, как правило, захожу в них по пути откуда-то куда-то.

– **В одном из интервью прочитал о вашей диете – тратите нервы, которые лучше всего жгут калории.**

– Да, это ведь действительно так. Если не тратить нервы, то нечего делать в театре. Нечего туда ходить и заниматься этой профессией.

– **Спасибо за разговор, Алиса Бруновна.**

– Да пожалуйста. Теперь ваша задача – развенчать слухи о моем несносном характере. Одна беда – за время нашего разговора я выкурила столько сигарет, ужас! Я всегда так – только звонит телефон, одной рукой беру трубку, а другая сразу тянется за сигаретой. Даже не замечаю этого.

– **Ну тогда, пока еще тлеет сигарета, последний вопрос. Вы знаете, что вы великая актриса?**

– Как я могу это понимать? Я иногда слышу такие оценки и думаю: что ж вы так торопитесь? Дайте помереть. А потом уже цените.

Москва – Тбилиси Балерина Нина Ананиашвили

Рассказы о моих встречах с балериной Ниной Ананиашвили могут походить на дневник путешественника, по записям в котором легко проследить судьбу собеседников.

Знакомство с примой-балериной Большого театра состоялось в начале двухтысячных в Москве. Близилась премьера балета и Нина пригласила меня в гости. Так получилось, что из-за дорожных «пробок» сама героиня опаздывала. Поэтому в московской квартире на Фрунзенской набережной меня встретил ее муж Григорий.

«Располагайтесь, пожалуйста, – проводил он меня в просторную гостиную. – Кофе не предлагаю. А вот чай – на здоровье! Вы какой любите – ромашковый, мятный, вишневый или зеленый? Нина звонила, они уже подъезжают».

За окном было холодно, стоял декабрь, и чашка вишневого чая оказалась весьма кстати. А через несколько минут передо мной появилась и сама Нина.

Выглядела она замечательно, а потому было странно вспоминать недавние статьи о том, что знаменитая балерина находится в плохой форме и вообще чуть ли не собирается покинуть сцену.

– Почему, как вы думаете, в прессе постоянно возникают всякого рода легенды о вас?

– Мне кажется, народ уже не может жить без домыслов. Раньше я жутко переживала. А потом поняла, что слухи придумывают люди, которые больше ничего другого делать не могут. Надо же им чем-то заниматься. Это и есть их род занятий. И стала относиться спокойно. Мне становится их жалко. Ведь они все меряют по своей мерке. Но в то же время их можно понять: растет безработица, и, даже когда артист выходит на пенсию, прожить на нее он не может.

– И что же?

– Происходит катастрофа. Никто не думает, как это ужасно, когда в 38 лет человек уходит на пенсию и не знает, что делать. Он все отдал танцам и в итоге остался ни с чем.

– Вы об этом уже думаете?

– Я человек, который понимает: придет время, когда надо будет уйти. Но когда именно это время придет, думать не хочу. Сегодня у меня есть работа, предложения, контракты. Слава Богу, есть семья, есть муж, и я не исключаю, что в один из дней вдруг решу больше не заниматься балетом и займусь чем-то другим. Чем? Да всем чем угодно, кроме высшей математики. Не боюсь никакой работы. Остановить меня может только физическая смерть.

– Не думаете попробовать себя в качестве драматической актрисы? Я заметил у вас на журнальном столике кассету со спектаклем «Горе от ума» Олега Меньшикова.

– А я дружу с Олегом. Обожаю Женю Миронова. Вообще люблю театр и, если есть время, обязательно хожу на спектакли. Еще с Тбилиси, когда родители совсем маленькой водили меня на постановки Стуруа, Туманишвили. Мне повезло: у меня муж оказался страшным театралом. Когда он за мной ухаживал, то понял, что меня можно вытащить из дома только в театр. Благодаря ему я посмотрела все лучшие постановки Москвы.

Кстати, когда я была маленькой, то снималась в кино. Кахи Кавсадзе – Абдулла из «Белого солнца пустыни» – играл моего папу...

У меня был в жизни сложный период, когда я сломала ногу и год не могла танцевать. И хотя внутренне и чувствовала, что это лишь временный перерыв, все-таки подумывала, что, может, покончила с балетом навсегда. Приятно, что никто из продюсеров не отменил

мои гастроли, их просто перенесли на год. Мне не разрешили рисковать собой и заставили делать операцию.

И получилось, что тот год (1995. – *Прим. И.О.*), несмотря на то что я 9 месяцев не выходила на сцену, был плодотворным. Я познакомилась с главным режиссером Театра на Таганке Юрием Любимовым. Юрий Петрович сам позвонил и пригласил меня в театр. Он тогда как раз репетировал «Медею» и предложил мне главную роль. «Юрий Петрович, – сказала я, – это совсем другая профессия, которой надо учиться. Но можно мне просто приходить на ваши репетиции?» Любимов разрешил. У меня был текст пьесы Еврипида, и все два месяца репетиций я каждый день приходила в театр. В день премьеры я волновалась больше, чем на собственных премьерах.

За тот период я изменилась, стала другой. Может, и не случайно все это было. Врач, который мне в Америке делал операцию (в клинике со мной лежали суперзвезды хоккея, футбола), сказала: «Нина, не волнуйся, после операции все будет еще лучше». И знаете, почему так произошло? Из-за внутреннего состояния. Ты перестраиваешься и по-другому начинаешь смотреть на жизнь. Когда муж впервые вывез меня на кресле-каталке, я посмотрела на мир другими глазами. Поняла, как же все прекрасно и какое счастье, что ты здоров. Все остальное – ерунда на постном масле.

– **А как получилось, что вы сломали ногу?**

– В репетиционном зале поскользнулась и упала. Все нервы, все из-за них. Тогда тоже был трудный период в театре, я переживала, ночь не спала, с сердцем было плохо. Но утром все равно пошла на репетицию, думала, позанимаюсь – и все дурные мысли вылетят из головы. Ведь, если я брошу балет, мне никто не поможет. Легче всего упасть, труднее – перебороть. Плакать всегда проще.

– **Вы никогда не плачете?**

– Плачу. Я терпеливый человек, меня обидеть можно лишь незаслуженным словом. Но выход слезам даю не на людях, а только дома.

– **А в сны верите?**

– Верю. Правда, не знаю их толкований, так как не читаю сонники. Но есть вещи, о них мне бабушка говорила. Какие-то приметы, которые запали в подсознание. Я во сне видела, как выхожу замуж. Лет за 20 до свадьбы я увидела, как в шикарном белом платье иду под венец. К сожалению, правда, самого интересного – лица мужа – не видела.

– **Вы как-то сказали, что вышли замуж «поздно», в 25 лет. Разве это поздно?**

– Сейчас это считается нормальным. А я раньше вообще думала, что замуж не выйду. Все подруги были замужем, у всех были, как сейчас говорят, бойфренды. Некоторые даже поразводиться успели. А у меня этого не было. Хотя друзей – в основном ребят – было много. Когда мне исполнилось 25 лет, стали появляться поклонники, которые предлагали руку и сердце, к чему я совершенно не была готова. А потом взяла и вышла замуж.

– **Вы – дисциплинированный человек?**

– Если надо, могу себя заставить. Например, необходимо спать днем. Я не люблю, но приучила себя. А раньше, несмотря на то что сильнее начинало биться сердце, перед спектаклем пила много кофе. Пока один знакомый врач не посоветовал перестать, сказав, что и без кофе все будет нормально. Я попробовала и убедилась, что взбадриваюсь и без кофе. А потом мне сказали, что полезнее пить чай, так как в нем меньше кофеина. И мы дома стали пить зеленые, фруктовые чаи.

– **Встаете рано?**

– Каждый день в 9 утра, так как уже в 11 начинается балетный класс. Ужасно тяжело бывает вставать, не хочется.

– **Еще и без кофе.**

– Да-да (*смеется*). Но могу. Вообще наша профессия учит подчинению.

– **У вас дома много торшеров. Не любите яркий свет?**

– Утомляет свет со сцены. Хотя когда родители приезжают из Грузии, то удивляются: «Как, у тебя есть свет, а ты его не любишь». Для них свет – это счастье.

– **А что это за книга красивая? «Старинные сады и парки». Неужели вы это читаете?**

– Мы собираем старинные книги. Вот издание стихов Анны Ахматовой 1921 года выпуска, вот Лесков 1920 года выпуска. Я недавно перечитала его рассказы и получила огромное удовольствие. Совсем другое ощущение. А еще я собираю старинные балетные открытки. Смотрите: вот Карсавина, Павлова, Нижинский...

Запись того разговора в московской квартире Нины увидела свет. Говорили мы с Ниной о многом: обсуждали планы в Большом театре, поездку в Японию, где должно было состояться празднование 20-летия ее балетной карьеры. Тогда в главном театре страны в очередной раз кто-то менялся – то ли директор, то ли художественный руководитель. В результате были отменены почти все спектакли Нины. И вопрос об уходе из Большого казался вполне уместным.

С тех пор мы долго не виделись. Мало того, признаюсь честно, не думал, что судьба вновь сведет с Ананиашвили. Тем более что по прошествии лет Нина оставила Большой театр и вернулась в родной Тбилиси. Возглавила Тбилисский театр оперы и балета.

За прошедшие годы в жизни Ананиашвили произошли почти революционные изменения.

– **Нина, раньше мы встречались в Москве, теперь – в Тбилиси. Мы с вами разговариваем в кабинете художественного руководителя Государственного театра оперы и балета Грузии.**

– (Улыбается.) Да, в моем маленьком кабинетике.

– **Довольно неожиданный поворот судьбы.**

– Я и сама не ожидала этого. Мы на днях с мужем обсуждали, насколько неожиданным оказалось наше возвращение в Грузию. У меня был Большой театр, распланированные по всему миру гастроли. И вдруг такое развитие событий!

– **А как все произошло? У вас зазвонил телефон?**

– Да, мне позвонили и сказали, что со мной хочет встретиться президент Грузии. Я ответила, что буду в Тбилиси летом. И когда приехала, мы встретились. Президент спросил, что нужно сделать для того, чтобы я вернулась в Грузию и возглавила театр. Во время разговора стало понятно, что он в курсе того, что происходит в моей жизни, где и какие партии я танцую. «Вы нам очень нужны, – сказал господин Саакашвили. – Я очень хочу поднять театр». Для меня такое предложение было неожиданным. Я ведь никогда не руководила. Да, вывозила труппу на гастроли, но при этом все равно оставалась просто балериной.

– **А теперь и хозяйством приходится заниматься?**

– Нет-нет, на мне только творческая жизнь театра. Предложение президента было сделано так, что я просто не могла отказаться и сказать: «Вы пока наладьте здесь все, а я потанцую и приеду на все готовенькое». Я поняла, что если откажусь в тот момент, когда нужна своему народу, то мне потом будет совестно всю свою жизнь.

– **И вы согласились?**

– Да, решила попробовать приложить все свои силы, знания и связи для того, чтобы театр вновь встал на ноги. Сама определила себе срок – три года. Если получится что-то сделать – останусь на посту художественного руководителя. Нет – вернусь к профессии балерины.

– **Судя по количеству премьер – пять наименований в год – и аншлагам в зрительном зале, вы со своей задачей справились.**

– Я ничего не смогла бы сделать, если бы не помощь президента. Говорю это не потому, что обязана упомянуть имя Саакашвили. Его помощь театру действительно неоценима. Я ведь могла себе позволить жить в любой стране мира. Но я в Тбилиси, и все это благодаря ему. У меня есть деньги на зарплату артистам и средства на постановки, без которых я бы никого не могла пригласить. Конечно, благодаря дружеским связям удастся привозить в Тбилиси талантливых хореографов и танцовщиков, но ведь только на личных знакомствах далеко не уедешь.

– **Вы, когда возглавили театр, сами танцевать перестали?**

– Да, и сегодня понимаю, что поступила правильно. Все свои силы направила на организационную работу. Первый год было очень тяжело! Потому что мы сразу же взяли очень высокую планку. Когда мне говорили, что что-то невозможно, я отвечала, что для меня такого слова не существует. Пусть это будет стоить в десять раз дороже – мы заплатим, но сделаем именно тот костюм или ту декорацию, которые нам нужны. Я отказалась от всех компромиссов. Предпочитаю все делать или идеально, или не делать вовсе.

И посмотрите сегодня на нашу труппу. Если бы вы их видели три года назад, то сегодня бы не узнали. Они так танцуют балеты Баланчина, что сами американцы удивляются. Мы ориентируемся на стандарт Большого театра, которому рукоплескал весь мир. Даем пять премьер в сезон – никто не верил, что это возможно, а мы сделали это! Когда ставили «Ромео и Джульетту» Леонида Лавровского и решили показать полную версию, без купюр, то многие засомневались – мол, вы не найдете столько артистов. А мы нашли! Да, у нас в балетных спектаклях участвуют артисты из драматических театров, но делают это с интересом, и у них все получается. В балете «Ромео и Джульетта» вообще парень, который работает в охране театра, выходит.

– **Кто-кто, простите?**

– Я обратила внимание на молодого парня, который стоял на служебном входе в театр, – молодой, красивый, голубоглазый. И предложила ему принять участие в балете. Все вокруг смеялись, а мне без разницы, если человек способный. У него подходящая фактура, хороший слух, почему бы и нет?

– **Кстати, Нина, поздравляю с премьерой. Балет «Лауренсия» наверняка станет одним из украшений репертуара вашего театра. Вдвойне приятно, что костюмы для него сделал наш замечательный театральный художник Александр Васильев.**

– Да, мы с Сашей знакомы уже давно. Первая встреча была в Португалии, когда он делал костюмы для балета «Дон Кихот». Тогда у меня и мыслей не было, что я стану руководить театром и смогу пригласить его в Тбилиси работать над костюмами. Судьба? Думаю, что все в жизни происходит не случайно. Вот смотрите, как все получается в моей жизни, – умирает мой педагог Раиса Степановна Стручкова, Большой театр закрывают на ремонт, и я в этот момент получаю предложение возглавить театр в Тбилиси. Так, видимо, распорядились звезды. С уходом Стручковой этап, связанный с Большим, закончился и начался новый.

Раиса Степановна переживала, когда я согласилась переехать в Тбилиси: «Нина, ты берешь на себя такую обузу». Она переживала, что я брошу танцевать. Но я дала ей слово не оставлять сцену. Никогда не забуду, как пришла к ней в больницу (она уже тяжело болела) и встретила взгляд ее огромных голубых глаз. «Ты молодец, все правильно делаешь», – почти прошептала мне Раиса Степановна. Ей уже трудно было разговаривать...

Меня часто спрашивают, не жалко ли мне Большого театра. Конечно, Большой – это моя жизнь, и я всегда помню об этом. У меня вообще все довольно странно – я русская балерина, хоть и грузинка по национальности. Почему русская? Да потому что школа у меня русская. И везде, где бы я ни бывала, я ее прославляю. И буду делать это всегда. Балет – это

Россия. Видите, мы и в Тбилиси ведем репетиции на русском и разговариваем по-русски. Политика есть политика. А люди есть люди.

– **За это время в вашей жизни произошло и еще одно судьбоносное событие.**

– Да, родилась моя Леночка. Вот смотрите, у меня с собой ее фото. Знаете, сейчас мне надо идти на репетицию. Давайте вечером встретимся у моих родителей и поужинаем. А я привезу Леночку, и мы познакомимся ближе.

Просторная квартира Ананиашивили-старших располагается в доме по соседству с оперным театром.

«Мы мальчишками бегали на все балеты великого Вахтанга Чабукиани, – рассказывал за столом отец Нины. – И даже пытались подражать ему – походке, манере одеваться».

Описывать грузинское застолье – все равно что пытаться перепеть соловья. На столе – все шедевры кавказской кухни. «Ах, как вкусно!» – то и дело вырывается у меня. «А разве в Грузии бывает по-другому?» – слышу справедливый ответ.

Стараюсь незаметно следить за тем, что ест сама Нина, – для балерины подобные пиришества наверняка большое искушение. Она держится стойко – немного овощей и тушеной курицы. И бокал вина, тремя каплями которого Нина смачивает губы дочери. «У нас сегодня праздник: нам год и два месяца».

Не могу удержаться от банального вопроса, задаваемого всем великим родителям: «Леночка, наверное, тоже балериной будет?» Нина улыбается: «Нет, она станет оперной певицей. Уже сейчас у нее идеальный слух и она с удовольствием пытается что-то петь».

Теперь идеальное время поговорить о детстве самой Ананиашивили. Родители Нины поначалу думали, что дочь станет фигуристкой. В домашнем архиве, который предусмотрительный глава семейства начал собирать аж в 1972 году (сегодня папки с газетными и журнальными статьями о Нине занимают несколько стеллажей), хранится грамота за первое место на юношеских соревнованиях по фигурному катанию. И фото 6-летней Нины, поднимающейся на пьедестал. Уже тогда она делала это так уверенно, словно знала, что триумфы только начинаются.

В Большой театр его будущая звезда впервые попала в 12 лет. Отец поехал в Москву в очередную командировку (доктор наук, он и сегодня активно занимается научной работой) и взял с собой Нину. «Папа всю ночь простоял в очереди за билетами на «Анну Каренину» в Большой. Мы сидели в пятом ряду, и я, глядя на сцену, сказала: «А ведь кто-то приходит в театр со стороны сцены!» Наверняка в московском хореографическом девочке из Тбилиси было нелегко. Но Нина за столом рассказывает о веселых моментах: как во время уроков по актерскому мастерству изображала уличного хулигана, разбивающего футбольным мячом окно на первом этаже. «А Андрис Лиена здорово показывал вора, вырезающего из рамы в музее картинный холст».

По окончании училища родители ждали Нину в Тбилиси и каждый день звонили с вопросом, когда же она придет. Но бабушка, которая перебралась с ней на время учебы в Москву, отвечала туманно: «Есть кое-какие соображения».

О том, что Ананиашивили приглашают сразу в два театра, мудрая женщина предпочитала не говорить, пока все не решится окончательно. «Меня звали в кордебалет Большого на ставку в 80 рублей и балериной в Театр им. Станиславского на 350 рублей. Педагог Наталья Викторовна Золотова посоветовала мне выбрать Большой. Я согласилась. И так получилось, что вскоре стала танцевать главные партии. Во время гастролей в Германии заболела балерина и меня поставили танцевать Одетту – Одиллию в «Лебедином». Так все и началось».

Пользуясь домашней расслабленной атмосферой, не могу удержаться от вопроса об интригах в Большом, которые балерины по определению должны чинить друг другу.

«Не знаю, – говорит Нина. – Может, кому-то действительно подкладывали в пуанты стекло. А у меня ничего такого не было. Я всегда много работала, и с девочками у нас были хорошие отношения. А потом, я ведь неконфликтный человек. Хотя почему-то принято считать, что у всех балерин ужасный характер. Мне несколько раз предлагали кино-сценарии, в которых моя героиня, приходя домой, первым делом со злости бросает в мужа пуанты, а потом обливает его холодной водой. Конечно, от таких предложений отказываюсь. Зачем изображать из меня стерву, когда я на самом деле совсем другая?»

– Одним из главных событий жизни в Грузии, судя по вниманию телевидения, стало ваше возвращение на сцену после рождения ребенка.

– Да, я два года не танцевала. Сейчас у меня «Лебединое озеро» в Тбилиси, а в мае еду в Нью-Йорк в Метрополитен-опера танцевать с АВТ. А потом гастроли с Тбилисским театром в США и Японию.

– Тяжело было без сцены?

– Я совсем не переживала. Но муж напомнил: «Ты ведь обещала Раисе Степановне, что будешь танцевать». И я вернулась.

– Как вам все удается? И театром руководите, и сами танцуете, и дочь растите.

– Одна я бы не смогла ничего. Это я только кажусь человеком, который в себе уверен. А на самом деле мне очень нужна поддержка. И она есть – это мой муж. Он всегда говорит мне: «Будешь сама уверена – все будут уверены».

Со стороны может показаться – зачем ей все это нужно? И театром руководит, и танцует. А я все делаю не для кого-то, а прежде всего для себя. Пока не хочу останавливаться – мечтаю сделать еще один рывок. Неизвестно, как долго он продлится. Но у меня в душе есть ощущение, что я еще не станцевала свой спектакль. Что-то новое, поставленное специально на меня. Несмотря на то что тысячи раз выходила на сцену. Станцую для всех своих поклонников, которые отдавали мне столько тепла. Теперь хочу хоть толику его вернуть им.

Через пару лет я снова оказался в Тбилиси. На правах знакомого набрал телефонный номер Нины. И вновь оказался в кабинете художественного руководителя театра оперы и балета. Коллектив собирался на зарубежные гастроли. А само здание готовили к реконструкции, почти все помещения уже были освобождены. И лишь на этаже, где находилась комната Ананиашивили, еще бурлила жизнь.

– Нина, а что это за фотография у вас на стене? Знаменитая балерина Тамара Туманишвили – любимица Джорджа Баланчина и Альфреда Хичкока?

– Да, мне посчастливилось быть с ней знакомой. Тамара Туманова – она сократила свою фамилию на русский манер, как до нее это сделал Джордж Баланчин, урожденный Баланчавадзе, – пришла ко мне после спектакля «Лебединое озеро», в котором я танцевала в Лос-Анджелесе. Ей тогда было за семьдесят, но она была в прекрасной форме. «Нина, у меня для вас маленький подарок. Только, пожалуйста, берегите его – это для меня очень ценная вещь», – сказала Тамара и открыла маленькую коробочку, в которой лежала брошь и маленькая записка, в которой говорилось, что эта брошь принадлежала Анне Павловой. Оказалось, что когда Туманова была начинающей балериной, Анна Павлова подарила ей эту брошь. «И вот теперь я дарю ее вам. Вы, правда, уже балерина. Но я хочу, чтобы эта брошь вас сопровождала и была как талисман». Я чуть в обморок от удивления и радости не упала.

И очень скоро она скончалась. Мне так обидно, что мы не смогли посидеть с ней и обо всем поговорить...

– Мы с вами виделись два года назад. Тогда вы сказали, что для вас нет ничего невозможного. Это по-прежнему так?

– Я имела в виду балет. Знаете, часто говорят: «Это невозможно!» Но если ты будешь работать и работать, то все сделаешь. Когда репетировала с великой балериной Мариной Семеновой, она мне такие комбинации задавала, что я говорила: «Это же невозможно!» Мне иногда казалось, что она просто издевается. А Семенова не соглашалась: «Все возможно!» И действительно – я вдруг вставала и делала то, что она говорила. Марина Тимофеевна после этого улыбалась: «Вот видишь! Работа и желание делают все!»

– **Откуда вам, балеринам, известен секрет молодости? Та же Тамара Туманова, которая прекрасно выглядела, Марина Семенова, перешедшая столетний рубеж. Как вам удается, несмотря на эту тяжелейшую работу, оставаться в форме и так замечательно выглядеть?**

– Наверное, благодаря работе. Ведь движение – это жизнь. Если человек гибок и его суставы хорошо работают – то он долгожитель. Нужно много двигаться, чтобы продлить свою жизнь. Хотя бывает, конечно, что человек не пил, не курил, занимался спортом – и все равно молодым умер.

Марина Семенова прожила 101 год. А в 93 года она еще классы давала. А когда я подавала ей руку, чтобы поддержать, отказывалась: «Не надо мне вашу руку, я сама могу ходить!»

– **Как выглядит идеальный день Нины Ананишвили?**

– У меня никогда не было спокойной жизни. Помню, мы с мужем купили в Москве квартиру и были счастливы, что у нас наконец появился свой уголок. А моя мама – царствие ей небесное – все удивлялась: «Зачем вам квартира? Купили бы лучше самолет!» И ведь она была права. Я, бывало, по полгода не заезжала в Москву. Гия, мой муж, просто привозил мне костюмы к нужному спектаклю в ту страну, где я находилась.

– **Осталась какая-то страна, где вы еще не были?**

– Да, Австралия. Хотя у меня был партнер из Австралии, Стивен Хиткоч, который однажды приехал ко мне в Ригу, чтобы станцевать всего один спектакль. И на другой день улетел обратно. Представляете – 48 часов летел, чтобы станцевать одно гала, а потом тут же улетел. Снова 48 часов. Я на него смотрела как на героя. А он сказал, что просто очень мечтал еще раз со мной станцевать.

Я бы с удовольствием поехала в Австралию, взяла бы с собой труппу. Но у меня нет продюсеров, которые могли бы это организовать. Может быть, когда-нибудь поеду туристом... Я вообще мечтаю просто путешествовать, без работы.

– **Получается?**

– Только летом. Ездим семьей в Италию, Португалию.

– **А в это время продолжаете заниматься?**

– Во время каникул я не занимаюсь классом! Я в этом смысле вообще удивительное создание. Не могу сказать, чтобы была ленивым человеком. Люблю каждодневную черную работу. Если я прихожу в класс, то не филоною. Но не могу заставить себя заниматься во время отдыха. И потом мучаюсь, потому что выхожу из формы.

А моя подруга Ирма Ниорадзе может заниматься где угодно. Андрис Лиела вообще занимался в бассейне. Или в своем номере в отеле поднимал кровать, убирал всю мебель и занимался. Я, бывало, ему звонила, а он весь запыхавшийся. «Что случилось?» – спрашиваю. «Я сейчас кабриоли делал», – отвечает Андрис. А меня застрелите – я так не могу.

– **Вы – жена министра иностранных дел Грузии (до осени 2012 года Григол Вашадзе занимал пост руководителя МИД Грузии). Сильно изменилась ваша жизнь?**

– Сильно. Потому что я не вижу своего мужа. И страдаю из-за этого. Внимания, к которому я привыкла, уже нет. Раньше не было ни одной страны, куда бы мы не ехали вместе. Я всегда знала, что Гия находится в зале и потом обязательно даст оценку, как все прошло. А теперь он просто не может этого делать. Я вот была полтора месяца в Нью-Йорке, танцевала десять спектаклей. А Гия был занят. В итоге я сказала ему, что если он не приедет на мой

последний спектакль, то я с ним разведусь. *(Смеется.)* Потому что я не могла представить – как это 20 лет он смотрел все мои спектакли, а на последнем его не будет? И Гия приехал!

Но если серьезно, я понимаю: то, что он делает, – это нужно родине. Потому что делает он все искренне, профессионально и с любовью. Наш договор о том, что первые 20 лет Гия будет со мной, а следующие 20 лет я буду ему помогать, вступил в силу. Мы столько с ним об этом шутили, и так действительно получилось.

– **А такой уговор был?**

– В шутку. Я же не знала, что вернусь в Тбилиси и буду руководить театром. И уж тем более никогда не думала, что мой муж снова вернется на государственную службу. Гия ведь был моим ближайшим помощником. Он хороший юрист и, любя меня и мою профессию, помогал не только мне, но и моим друзьям, даже иностранцам.

Когда он оставил работу и ушел фактически в никуда, то сказал: «Первые 20 лет я все сделаю для тебя, а потом ты мне поможешь». Я спросила, какие годы он имеет в виду – двадцать лет моей карьеры или двадцать лет нашей жизни? Он ответил, что говорит о годах совместной жизни. И так получилось, что к этому сроку мы подошли ровно год назад. И Гия пошел на государственную службу. Хотя все это было лишь на уровне фантастики. Ну представьте себе – человек двадцать лет галстук не надевал!

– **Вашу работу вы дома наверняка обсуждаете. А работу мужа?**

– Честно скажу – нет. Я же в этом ничего не понимаю. Я вообще вижу мужа настолько редко, что загружать его разговорами о работе не считаю нужным. Если совсем честно, то я даже не всегда знаю, куда он в данный момент едет. «Знаешь, я завтра уезжаю», – говорит он мне. «Хорошо», – отвечаю. А потом он звонит и называет страну, где находится. Мне многие не верят, что я не знаю, куда едет мой муж. А я считаю – зачем, если у человека столько проблем, я еще буду загружать своими ненужными вопросами. Иногда мне знакомые говорят, где он сейчас, – узнали это из телевизионных новостей.

– **Вы, наверное, тоже об этом из новостей узнаете?**

– Что вы – я телевизор исключила из своей жизни. Не специально – просто у меня нет на это времени. И поняла, что прекрасно можно без него обходиться.

– **Вы домой во сколько возвращаетесь?**

– Часов в семь, если нет спектакля. Если спектакль есть, то привожу дочку в театр, и мы с ней проводим время здесь. Малышке сейчас четыре с половиной года, она знает наизусть все мои спектакли. Недавно я танцевала балет «Ромео и Джульетта», который мы повезем в Японию, и дочь говорит мне: «Мамочка, а если ты будешь в Японии танцевать «Ромео и Джульетту», то с кем я буду в ложе сидеть?» То есть то, что она едет, – это не обсуждается. *(Смеется.)* Действительно, когда я еду надолго на гастроли, беру Еленочку с собой – без нее очень скучаю.

– **Значит, в семь вечера возвращаетесь домой и становитесь просто мамой?**

– Да, наша няня уходит. Я обожаю проводить время с Еленой. Она сейчас очень смешная, так забавно разговаривает. В детском саду изучает английский и русский язык.

– **У вас легко получается после театра переключаться с рабочего режима на домашний? Или все равно думаете дома о работе?**

– К сожалению, приходится думать. Сейчас стало легче, больше успеваю. А раньше не могла спать – все время прокручивала перед собой происходящее в театре: что ты сказала, что тебе ответили. Говорила себе: почему из-за этого человека я не должна спать? Или, бывало, переживала из-за костюмов, из-за премьеры. Слава богу, что первые два года я сама не танцевала. Иначе бы, наверное, не выдержала.

– **А как решали вопрос с бессонными ночами из-за грудного ребенка?**

– Как все родители. Первые три месяца было тяжело. Год я кормила Еленочку грудью, покормлю – и отдаю Гие, он ее укачивал. Еленочку брали в поездки с шести месяцев, спокойно все переносила.

– **Вы не так давно переехали в новый дом – дизайном занимались лично?**

– Нет, этим в основном занимался Гия. Но с учетом моих пожеланий. У него вообще есть чутье и вкус к этому. Я ему абсолютно доверяю. Как и в одежде. Это, может, удивительно прозвучит, но на протяжении всей нашей жизни Гия несколько раз кардинально менял мой стиль одежды. Я была молодой грузинской девушкой и любила ходить в черном, темно-синем и коричневом. Когда мы поженились, Гия спросил, почему я так одеваюсь. «А разве это не красиво?» – «Красиво, но надо носить и другие цвета», – сказал Гия и начал менять мой стиль. То по-спортивному одевал, то в длинные, в пол, платья. Одно время я носила мужские костюмы с галстуком. А потом стала носить длинные платья от Ямамото.

– **А мужа вы одеваете? Или он сам всегда знает, что для него нужно?**

– Он сам одевается. С этим у меня проблем, к счастью, нет.

– **Вся ваша жизнь – это доказательство того, что судьба существует. Вы же с Гией познакомились, прожив в Москве несколько лет на одной улице?**

– И не говорите! Мало того, все оказалось еще интереснее. Гия с моим братом учился в одном классе. А потом мы жили в Тбилиси в одном районе, при этом не зная друг друга. И в Москве тоже жили оба на Третьей Фрунзенской улице.

– **А как вы вообще познакомились?**

– О, это история, в которую не все верят. В Лос-Анджелесе об этом написали в одной из газет под названием Holywood movie. Я об этом как-то не говорю. И Гия тоже не любит. Он вообще всегда просил меня не говорить о нем в интервью. На что я отвечала: «Я же не Жириновский, чтобы просто говорить, что у меня муж – юрист». Я долго прятала его. Но, слава богу, сейчас все отстали, так как знают, кто он такой.

– **Так что это за Holywood movie?**

– Это был 1985 год – я только что победила на конкурсе артистов балета в Москве. И на этом же конкурсе получила травму. Еле дотянула до конца концерта. Но мне пришлось выступать в гала-концерте – несмотря на травму. Притом что другую балерину, которая тоже получила золото, не выпустили на сцену – ее показывать на гала было стыдно. На награждении ее даже освистали. А мне сказали, что я не имею права не танцевать. И когда я наивно предложила, чтобы вместо меня вышла другая победительница, мне ответили, что у нее... фонограмма пропала. Стало все понятно. Ну как, скажите, в Большом театре может пропасть фонограмма?

В итоге я вышла танцевать этот гала-концерт. Было больно просто ступить на ногу – в результате мой партнер Андрис Лиела весь танец фактически проносил меня на руках. Всего должно было быть три гала-концерта. Я один станцевала, а в других принимать участие уже не могла. И вдруг на второй гала мне присылают огромную корзину цветов. Я в это время сижу дома и лечу ногу. Звонят из балетной канцелярии: «Нина, вы получили корзину цветов – что нам делать?» Я ответила, что ничего делать не надо – цветы взять себе, а мне оставить визитную карточку дарителя. Проходит день, и звонит уже заведующий труппой: «Нина, просят ваш телефон, вам прислали корзину цветов. Что делать?» Я ответила, что мой телефон давать не надо. А потом уже мне позвонили из дирекции театра с предложением принести цветы домой. Я удивилась – что же это за цветы такие?

Через неделю отправилась к врачу и зашла в Большой театр за визиткой. Смотрю – на ней написано: «Григорий Вашадзе, атташе, МИД СССР». Пришла домой, говорю бабушке: «Какой-то грузин прислал мне цветы, вот его визитка». Бабушка посоветовала позвонить и поблагодарить за подарок. Все-таки не каждый день корзину цветов присылают.

Я набрала номер и попросила Григория к телефону. Когда он ответил, поблагодарила его за цветы. «Да, очень жалко, что вы не выступали, – сказал он. – А вы по-грузински говорите?» И он перешел на грузинский и попросил разрешения встретиться со мною. Я удивилась: в моем воображении он должен был быть солидным человеком лет пятидесяти. Я сказала, что сижу дома с бабушкой – и если он хочет, то пусть приходит, будем рады. «А сегодня вечером это возможно?» – тут же спросил Гия. Я ответила, что возможно. Вот так все и началось.

Знаете, у Гии такой был бас. Я даже сказала бабушке, что ему, наверное, лет 50–55 – и он грузин, который, видно, из гордости за то, что его соотечественница получила золото на балетном конкурсе, решил прийти и поблагодарить. Ничего особенного в этом не было. Я испекла какие-то пирожные. Сидим с бабушкой, ждем. У нас уже создался свой образ Григория – маленький, лысенький, толстенький.

Он пришел ровно в семь. Когда я открыла дверь, передо мной стоял молодой человек с огромной охапкой гвоздик всех цветов – от белого и черного до красного и оранжевого. Такой палитры я никогда не видела. И еще вы не забывайте: это был 1985 год – тогда достать цветы было проблемой. Я даже не сказала нормально «здравствуйте», а только произнесла: «Теперь я понимаю, почему мне столько раз звонили из Большого театра!»

Потом Гия рассказал, что у него был друг-профессор, который вышел на пенсию и стал заниматься разведением цветов. Григорий поехал к нему и попросил, чтобы тот сделал ему букет, который бы обязательно запомнился. Так и произошло...

В тот вечер Гия больше беседовал с бабушкой. А я ходила по своей маленькой квартирке, скорее напоминавшей пенал, из комнаты на кухню за чаем и обратно. А бабушка за это время успела все выяснить – что надо и что не надо. (Смеется.) Перед уходом Гия спросил, можно ли мне звонить. А я настолько была растеряна – из-за несоответствия созданного мною образа и тем, что увидела, что не задумываясь согласилась. Три года мы встречались, а в 1988 году поженились.

Гия тогда работал в основном в Женеве. Я тоже постоянно уезжала-приезжала, и когда меня не было в Москве, он общался с бабушкой. Бабушка у меня вообще была очень интересным человеком. С ней нельзя было скучать. Она любила футбол, хоккей, знала всех игроков. Была в курсе всех событий в мире. Прекрасно играла в карты и нарды...

– ...и курила, наверное? Почему-то сразу представляется именно такой образ.

– Курила – не то слово! Дымила! Дома! Это, кстати, было единственное, из-за чего мы с ней спорили. «А что мне, в подъезде, что ли, курить?» – говорила бабушка. Когда мы приходили в гости – а раньше было принято, что все выходили курить на лестничную площадку, – бабушка тут же просила пепельницу. И никто не мог ей сказать: «Екатерина Андреевна, а вы можете на кухне покурить?» Она во второй раз в такую семью уже не пришла бы. Я пыталась ей сказать, что это нехорошо, неудобно. «Молчи! – говорила она. – Они же знают, что я курю, – зачем тогда меня в гости зовут?» Она прожила со мной в Москве двенадцать лет. А потом выдала замуж и со спокойной душой уехала в Тбилиси.

– Вы и ваш муж постоянно в разъездах. Скажите, частая разлука помогает отношениям – или, наоборот, разрушает их?

– Здесь все зависит от людей. В разъездах нет ничего хорошего – ты страдаешь, скучаешь. Я, например, все время вместе с Гией ездила. Меня даже спрашивали: «Неужели тебе не скучно все время быть рядом с мужем?» Смотря какой муж! С Гией скучно быть не может! От него столько узнаешь нового – о чем самому тебе просто не хватает времени узнать, прочитать. Это человек, который полюбил не только меня, но и мою профессию. Гия о ней знает больше, чем любой критик и балетоман.

Когда мы только поженились, он сказал, что должен находиться в моем кругу, а значит, должен понимать, о чем мы говорим. Взял и выучил книгу Вагановой, по которой преподают

в балетном училище, выучил названия, движения, балеты. Когда в первый раз посмотрел кассету с балетами Джорджа Баланчина, то попросту влюбился в его постановки. И стал смотреть всего Баланчина! Он мог прийти домой после спектакля, который я танцевала, включить кассету и смотреть балеты. Это же делать не заставишь!

Сейчас то же самое происходит с оперой. Гия знает ее прекрасно. Он вообще театральный человек. Сдавал на режиссерский факультет в Москве, ходил на все репетиции к Андрею Гончарову, лично знал Анатолия Эфроса.

– **Поэтому вы и нашли общий язык?**

– Не только. Мы подружились с ним еще и потому, что он выдерживал мой ритм жизни. Не могу сказать, что у меня до встречи с Гией не было друзей. Но я могла достаточно редко видиться с ними. Конечно, я бы с удовольствием проводила время с друзьями – но у меня был театр: либо репетиции, либо спектакли, либо гастроли.

А билеты же всегда было достать непросто. И вот мне, допустим, звонит кто-то из друзей: «Я достал билеты в МХАТ – пойдём!» А я не могу – у меня в этот вечер спектакль. В другой раз этот человек уже билеты не достает – а если достает и я снова отказываюсь, он решает, что я просто не хочу идти с ним. И больше уже меня не приглашает.

А Гия ни разу не сказал: «Ах, как жалко, вот я с таким трудом достал билеты, а ты не можешь!» От него я слышала другое: «Ничего страшного, в следующий раз сходим». И так продолжалось три года. В результате я с ним посмотрела все спектакли, которые стоило посмотреть. И потом, позже, когда мы с Гией бывали в Москве, обязательно ходили на драматические спектакли.

– **Нина, а друзья у вас все-таки есть?**

– Друзья есть, но очень маленький круг – кто пианистка, кто врач. В основном это те, с кем я дружу уже очень давно. Новых друзей нет. Моя подруга очень точно сказала: «Если есть дружба, то не важно, как часто вы видитесь». Я скучаю по ним, но точно знаю, что у меня есть друг или подруга, которым я всегда могу позвонить. Этим вообще отличается Грузия. Здесь умеют дружить. Дружат всю жизнь, начиная с детского сада. Этим мы, наверное, и держимся.

А еще у меня есть два старших брата, очень хорошие ребята. У нас в семье все мужчины – геологи. Папа продолжает работать по специальности. Один брат ушел в бизнес, другой пытается совмещать бизнес с любимой геологией. Вот это и есть мой тыл, на который я всегда могу рассчитывать. Знаю, в любой ситуации они мне будут поддержкой.

– **Когда вас критикуют – обижаетесь? Или научились возводить стену между собой и критикой?**

– Не открою Америки, если скажу, что критика хороша только в одном случае – когда она конструктивна. А если она злобная и пустая, это всего лишь способ самоутверждения никчемного человека. К такой критике и к таким людям у меня уважения нет.

А вообще мне повезло. За всю мою карьеру не было ни одной грубой или обидной критики. Сейчас критикуют – но чаще всего это оказывается враньем. Пишут, например: «Ананишвили срубил лес и строит себе дворец». Как я к этому могу относиться? Больной человек тот, кто это написал, и больной тот, кто читает и верит.

К сожалению, у нас пока нет системы, чтобы газеты отвечали за то, что пишут. Тогда бы я могла их засудить. А если я не могу это сделать – чего мне переживать? Я стараюсь относиться к жизни философски...

Без вины виноватая Актриса Татьяна Доронина

Каждый день ровно в десять утра от сталинской высотки на Фрунзенской набережной отъезжает черная «Волга». Маршрут автомобиля неизменен на протяжении вот уже многих десятилетий: Фрунзенская набережная – Тверской бульвар, МХАТ им. Горького.

Другие адреса сидящую на переднем сиденье знаменитую пассажирку не интересуют. Потому что ничего другого у ведущей довольно замкнутый образ жизни Татьяны Васильевны Дорониной не осталось. Театр – единственный смысл ее сегодняшнего существования.

Она не снимается в кино уже более тридцати лет. Но перед служебным входом Художественного театра им. Горького ее неизменно ждут поклонники, средний возраст которых, как правило, далеко за сорок. Для них, как и для самой Татьяны Васильевны, время остановилось. И произошло это в 87-м году, когда актрисе пришлось после расставания с Ефремовым возглавить «второй» МХАТ.

– Нет, это вы называете произошедшее «разделением», – рассказывала мне Татьяна Доронина, – а я называю «отторжением». Это же была противозаконная акция. И оформление документов было противозаконно. Почему я не подала в суд? Не будьте наивным. Прав тот, кого назначают наверху. На тот момент правым был назначен Ефремов.

Обидно, что при разговоре об одной из самых больших актрис нашего кино и театра первым делом вспоминается именно тот трагический раскол мхатовской труппы. Кстати, говорят, что оппозицию Доронина возглавила, не будучи уверена в том, что Ефремов возьмет ее в свой театр. Между тем как для самого Олега Николаевича вопрос «брать или не брать» Доронину даже не поднимался. В списках той части труппы, которая бы оставалась с Олегом Николаевичем, имя Дорониной было одним из первых. Но Ефремов решил не оглашать список, дабы голосование членов труппы было искренним. А Дорониной в это время кто-то внушил, что в «ефремовский» МХАТ ей путь заказан.

Хотя именно Ефремов в 80-х годах, когда МХАТ был единым и нерушимым, настоял на принятии актрисы в труппу. Тогда Татьяна Васильевна, вступив в конфликт с художественным руководителем Театра им. Маяковского Андреем Гончаровым, решила перейти во МХАТ, где понимали, что в театр приходит первая актриса страны. Что, разумеется, не вызывало энтузиазма у женской половины Художественного театра. Однако тайным голосованием с перевесом всего в три голоса (17 – «за», 14 – «против») Доронина была принята в труппу.

Но произошло то, что произошло. Судьба?

– Я не очень-то верю в судьбу, – рассуждала Татьяна Васильевна. – Я в большей мере верю в то, что существует Создатель, Господь Бог, и надо делать все, чтобы ему понравиться. На большее я не претендую.

– Но вот девочка Таня Доронина, которая родилась в Ленинграде...

– ...да, в пролетарской семье.

– ... в 14 лет поступила во все театральные вузы Москвы. Только отсутствие аттестата о среднем образовании заставило ее вернуться в школу, доучиться два класса и еще раз выдерживать вступительные экзамены через два года. А в конце 80-х годов она стала художественным руководителем театра. Это было где-то предназначено или...

– Да ничего не было предназначено. Если бы родители остались в Ярославской области, возможно, осталась бы я крестьянкой Ярославской губернии.

– **Но вы сами как видели свое будущее?**

– Никак не видела. Будущее нельзя планировать. Помните, у Михаила Булгакова есть замечательная фраза о волоске, который легко можно перерезать. Так что нужно нормально ко всему относиться и понимать, что в этом плане ты определяешь очень мало. Ты ответственный лишь за себя, за свои поступки. А все, что касается будущего... Можно лишь о чем-то мечтать, чего-то желать. Но очень мало определять. Кто определяет? Господь Бог... Так что я и в детстве ничего не планировала. Мне просто нравилось, например, читать. Одна из моих теток работала в Ленинградской публичной библиотеке и приучила меня читать хорошие книги. А другая сестра отца, потрясающе красивая женщина, тетя Катя, учила меня своим примером. Она была столь красива, столь обаятельна и женственна, обладала таким необыкновенным вкусом и чувством стиля, что я подражала ей, и все. Мне просто повезло с родственниками.

Судя по всему, уроки тети Кати были усвоены Таней Дорониной на все сто. Влюбленность и чувство восхищения со стороны сильной половины человечества сопутствуют ей на протяжении всей жизни.

По воспоминаниям самой Татьяны Васильевны, первый раз влюбилась она еще в школе: «Я вообще очень рано стала влюбляться. Мальчик, как и мы, был эвакуированный, только из Москвы. Он поразил меня тем, что, когда учительница читала нам «Ваньку Жукова», он закрылся руками и заплакал. А так как он был при этом еще и самый хорошенький в классе, то начался мой роман. Потом все пошло по нарастающей. Я влюблялась каждый год, даже могла в течение года влюбиться в двоих». Первым мужем актрисы стал Олег Басилашвили, с которым она познакомилась еще в Школе-студии МХАТ. По окончании вуза Доронину пригласили сразу в несколько театров. А вот Басилашвили, тогда еще никак не проявившего себя актера, брал лишь Сталинградский драматический театр. И Доронина, как примерная жена, укатила из столицы вслед за супругом. Зато когда талант молодой актрисы заметил худрук ленинградского БДТ Георгий Товстоногов и пригласил ее в свой театр, Татьяна Васильевна поставила условие – зачислить в труппу и ее мужа. Товстоногов согласно кивнул. А Доронина продолжала: «И дать ему роль в первой же постановке БДТ». Самое примечательное, что условия будущей звезды были приняты. Диктовать свою волю она умела уже тогда.

Однако через несколько лет Большому драматическому театру Доронина предпочтет Московский Художественный театр. А спустя три десятилетия скажет: «Уход из БДТ – это моя ошибка. Нельзя было предавать режиссера, который выстраивал на меня репертуар. У меня в тот период была достаточно сложная личная ситуация. И личные интересы я поставила выше профессиональных. А этого делать нельзя».

Приехав в Москву, Татьяна Васильевна вскоре вновь вышла замуж. Ее супругом стал известный драматург Эдвард Радзинский. Несмотря на скорый развод и свой невыносимо сложный характер, ставший в театральном мире чуть ли не притчей во языцех, Доронина и сегодня сохраняет добрые отношения с бывшим супругом.

«Ее характер, – говорит Радзинский, – это несчастное продолжение таланта. Как она жила? Каждый день, кроме воскресенья, уходила в театр. Утром – репетиции, вечером – спектакли. В перерывах она не уходила домой, а спала в гримуборной. Когда в театре были выходные, Таня ехала на студию на съемки».

Так актриса живет и сегодня. Разве что киностудии исключила из своего привычного маршрута. Семью и детей ей заменяет огромная библиотека, под которую отдана одна из

комнат просторной квартиры. Книги для Татьяны Васильевны – самое святое. После театра, естественно.

Рассказывает третий муж Дорониной актер Борис Химичев: «Меня как-то спросили, могла ли Доронина в пылу семейного скандала чем-то в меня бросить. Отвечаю: могла! Много чего за те 10 лет, что мы прожили вместе, в воздухе летало и, случалось, достигало цели, кроме книг. Книги она жалела».

Татьяна Доронина родилась актрисой. И создана для сцены. И восхищения. И любви. Не случайно и во МХАТ ее приглашали изначально именно на роль Анны Карениной. Увы, с тем спектаклем не случилось. Отказалась сама Татьяна Васильевна. Но это уже другая история.

Один из самых известных и любимых зрителем фильмов с ее участием – «Три тополя на Плющихе» Татьяны Лиозновой. Как признается сама Татьяна Васильевна, она играла свою маму, которая «была очень красива, настоящая богиня». Притом что сама Доронина, по ее словам, похожа на отца.

Она – королева, и на сцене и, кажется, по жизни. Хотя семнадцать лет прожила в коммуналке. И о бедности знает не понаслышке. Мама работала гардеробщицей в медицинской Академии. Вернувшись домой, начинала считать пятаки, которые ей давали на чай. Отец с утра до ночи пропадал на работе – был шеф-поваром в ресторане.

Всю домашнюю работу делала Таня. Она не стесняется рассказывать, что одежду приходилось донашивать за сестрой. В дырявых матерчатых туфлях пальцы замазывала черной краской. Но и мысли о том, что это плохо, не возникало.

«Все, что во мне есть хорошего – это результат биографии», – говорит Татьяна Васильевна.

Тетки научили ее читать, когда ей не было и пяти лет. Первой прочитанной книгой стал «Золотой ключик» Алексея Толстого. Оказавшись в эвакуации, Доронина в первый же день записалась в библиотеку.

А вообще она говорит, что живет неталантливо. Надо быть более организованной и больше успевать.

Главный подарок, который Татьяна Васильевна преподносит себе каждый год, – это перечитывание «Евгения Онегина».

– Я и отпуск люблю только за то, что могу в это время сколько угодно сидеть в библиотеке, протирать тряпочками книги, переставлять их, параллельно перечитывая любимые страницы. Это самое большое удовольствие после общения с природой.

Что, читала ли я детективы? Мне вполне было достаточно пролистать один роман, чтобы понять, что такие книги просто преступно брать в руки. И уж тем более тратить на это время. Сейчас можно купить любую книгу. А у прилавков – никого. Однажды, много лет назад, узнав, что продается прижизненное собрание сочинений Мережковского, я, не раздумывая, потратила на книги все деньги, которые копила на дачу. А два года назад захожу в Дом книги и вижу – стоят труды Мережковского и никого не интересуют. Мне так стало обидно, что я взяла и купила еще и это издание.

– **А дачу-то так и не построили?**

– Построила. Но ее постоянно обворовывают – выламывают замки, уносят двери. Не так много я зарабатываю, чтобы каждый год делать ремонт, но опять все приходится поправлять. Я ведь Дева по гороскопу. Люблю, чтобы все было в порядке.

Смотреть на актрису Дорониноу – высшее удовольствие. Общаться с ней – редкое счастье. А вот найти общий язык весьма и весьма непросто. Татьяна Васильевна вообще,

как мне показалось, человек, не склонный к компромиссам. Она имеет свою точку зрения и отступить от нее не собирается.

– За всеми этими современными, очень страшными, с моей точки зрения, и дьявольскими явлениями, как компьютер, – говорит она, – происходит забвение природы. Самое прекрасное, что нас окружает, и то, к чему обращается взор и сердце даже самого глухого и слепого человека – голубизна неба, пронзительный свежий воздух, блеск реки, красота деревьев, нежность цветов, – забывается за компьютерами. Люди сосредоточиваются на этих железках, этой конфетности и теряют настоящий вкус. Я уже не говорю, что при этом они теряют еще и здоровье.

– **У вас в театре нет компьютеров?**

– Есть в бухгалтерии, у администраторов. То есть только для технических работ. Но ни в коем случае не допускаются все эти компьютерные игры.

– **Вам, наверное, непросто с молодежью общаться. Вы ее не боитесь?**

– Вы знаете, я не могу себе позволить бояться молодежь. Они не знают жизни так, как ее знаю я. Они не овладели профессией так, как ею овладела я. Поэтому, извините, кого же мне бояться?

– **Вы знаете, как они вас за глаза называют?**

– По-разному. Хозяйкой называют. Мамой.

– **А они вас боятся?**

– В той мере, в которой нужно бояться нарушителям дисциплины, наверное, боятся. Но творчески, надеюсь, нет. Я же работаю с ними, часто компенсирую ту недоученность, с которой они приходят.

– **Если бы они вам задали вопрос о том, что самое главное в человеке, что бы вы ответили?**

– Я это для себя не формулировала, так что отвечу общей фразой: нужно внутри себя все время знать, что твоя бесконечность в пространстве должна быть улучшена в твое следующее превращение. И в твоих руках это либо улучшить, либо нисвергнуть куда-то в черную бездну, в ад. И еще надо понимать, что все, что касается материального – того же желания ухватить побольше, – временно, проходяще и очень относительно.

Мой разговор с Татьяной Дорониной длился часа два. Кстати, встреча была назначена в радиоцентре МХАТа им. Горького, чтобы кассета с записью беседы осталась еще и для самой Татьяны Васильевны.

– **У вас такая студия шикарная. Почему бы вам не записать здесь диск со стихами? Вы же незабываемо читаете стихи...**

– У меня уже есть пластинка. Но здесь, как вы понимаете, мне устраивать свои дела неприлично. Я этого никогда не делаю. Дела – отдельно, свои интересы – отдельно.

– **Татьяна Васильевна, а какой самый страшный сон вы когда-либо видели?**

– Один из самых страшных снов заключается в следующем: твой выход, ты выходишь на сцену и понимаешь, что не знаешь ни слова. И тогда я сразу вспоминаю своего отца, который считал, что самая большая трудность для актера – это выучить роль. Всегда, когда он приходил на мои спектакли, задавал мне один и тот же вопрос: «Таня, как же ты все это запомнила?» Ему казалось, что самое трудное – запомнить последовательность слов. Но самая главная трудность – в другом. Самое важное, чтобы зритель не просто приходил в театр, но и с чем-то уходил. С чем-то, что бы помогало ему жить.

– **Вы так много курите...**

– Зато не пью. Пить нельзя, мозги уничтожаются.

– **Знаете, мне очень понравилась ваша книга «Дневник актрисы». Но ее очень сложно купить. Почему не переиздают? По-моему, очень талантливая книга.**

– Поэтому, наверное, и не переиздают...

Встреча с Татьяной Дорониной состоялась накануне ее очередного круглого юбилея. Иначе уговорить актрису на разговор с журналистом практически невозможно.

Я писал этот материал, испытывая к имениннице безграничное уважение и восхищение ее огромным и, увы, не используемым ныне талантом. Татьяна Доронина, бесспорно, великая актриса. Созданные ею театральные образы – Надежда Монахова в «Варварах», Софья в «Горе от ума», Елизавета и Мария в «Да здравствует Королева, виват!», Аркадина в «Чайке» – незабываемы. А роли в кино – «Старшая сестра» и «Три тополя на Плющихе» – давно и по праву являются классикой русского кинематографа. И вспоминая о Дорониной в дни юбилея, говорить надо об этом, а не о сложностях сегодняшнего момента.

Но уверен, что Татьяна Васильевна, прочитав статью, обиделась. Хотя бы потому, что не ждет от прессы ничего, кроме нападков и критики (которые, опять же «увы», зачастую бывают справедливы). При этом актриса равнодушна, по ее словам, к тому, сколько у нее друзей и врагов.

– В том возрасте, в котором я сейчас нахожусь, мне это, слава богу, безразлично.

– **Откуда же вы берете силы, чтобы выдерживать все трудности?**

– С убежденности в том, что все, что ты делаешь, – это нужное и божеское.

– **А цену вы себе знаете?**

– В моем возрасте уже пора.

– **Ну вот, а говорите, что не уверены в себе. Раз цену знаете, значит, уверены.**

– Нет, это значит, что я знаю не только свои достоинства, но и недостатки.

Художественный театр имени Горького, которым руководит Татьяна Доронина, принято ругать. За все – начиная от режиссуры и заканчивая оформлением фойе. Работая над главой о Дорониной, я решил снова отправиться в этот театр, чтобы, так сказать, «освежить» впечатление.

В этот апрельский день 2013 года давали «Старую актрису на роль жены Достоевского». Партер был заполнен почти до отказа, верхние балконы пустовали. Безучастный голос по радио объявил перед спектаклем о том, что «свистеть и кричать» до и во время спектакля категорически запрещено. А потом, словно спохватившись, холодно добавил: «Мы рады, что вы с нами».

Я заметил, как на лице у некоторых зрителей появилась ухмылка. Мол, правильно говорят об этом театре.

Но тут на сцену вышла Доронина. Согласно режиссуре Романа Виктюка, актриса появляется из-за кулис еще до того, как погаснет свет.

И зал умолк.

И все почти три часа действия внимал, боясь пропустить хоть одно слово Актрисы.

И потом, когда спектакль закончился и на часах было уже около 11 вечера, публика не спешила расходиться. Доронина принимала цветы, а зал внимал, именно так, этому действию.

Татьяна Васильевна брала по паре букетов, восходила в центр сцены и возлагала их под портреты великих мхатовских актрис прошлого, появившиеся из-под колосников в финале действия.

Это было очень красиво. И перед нами стояла действительно легенда. Великая актриса на роль Татьяны Дорониной.

Эшелон Режиссер Галина Волчек

Мы познакомились в 2000 году на похоронах Олега Ефремова. Проститься с Олегом Николаевичем тогда на Новодевичье собрались, кажется, все легендарные актеры и режиссеры нашего времени.

Когда все было кончено, мы вместе с Галиной Борисовной брели к выходу из некрополя. Редакция заказала мне материал о Ефремове, который мне и захотелось сделать вместе с Волчек. Сегодня я понимаю, насколько был нагл и бестактен – попросить об интервью в такой день и при таких обстоятельствах. Но зато в моей жизни состоялась очень важная встреча. В тот раз Волчек внимательно взглянула на меня и...ответила согласием. Через несколько дней я уже был в ее кабинете в здании на Чистых прудах.

Монолог Волчек о Ефремове, он назывался «Песня о настоящем Олеге», увидел свет. Волчек материал понравился. При следующей встрече она улыбнулась мне и сказала: «Ты принят в семью. Обращайся, когда будет нужно».

Я не стал скромничать и довольно часто бывал в «Современнике». А как-то даже попал в квартиру Волчек на Поварской. В тот день хоронили великого оператора Павла Лебешева, так вот совпадало, что и знакомство с сыном Галины Борисовны режиссером Денисом Евстигнеевым состоялось в столь печальный день.

О чем говорили в тот вечер, писать не стану – все было очень лично. Да и без пересказов историй, звучавших на Поварской, есть, о чем написать.

Галина Волчек – настоящий клад для журналиста. Каждый раз она настолько ярко говорит, сопровождая свои слова примерами из жизни, что обращаться к Галине Борисовне с вопросами для меня всегда было подарком судьбы.

Мы встречались несколько раз. О некоторых из наших бесед мне хотелось бы вспомнить. Тем более что саму Волчек вспоминать я просил часто. Поначалу она от экскурсов в прошлое пыталась отказываться, но потом все равно начинала говорить, увлекалась, и в итоге следовал очередной непродуманный сюжет, достойный, может быть, и художественной книги.

– Я не люблю вспоминать. Всегда говорю, что вспоминать – не активный глагол. Самое яркое... Знаете, всю свою жизнь я бегу. Не важно, что порой не хватает физических сил на вечерние тусовки или приемы гостей. Сижу одна, уткнувшись в «ящик», и смотрю только «Новости», чтобы извлечь из всего этого что-то свое. Образно говоря, даже сидя, я все равно бегу. И часто памятью окунаюсь в прошлое для того, чтобы соотнести то, что было, с тем, что сейчас.

У нас внутри всегда работает «счетчик». Режиссерский или актерский – не важно. Он работает в самые невероятные минуты твоего существования. Я, например, плохо помню годы, фиксируя в памяти лишь события и людей. И все в своей жизни отсчитываю от года рождения сына. Если у меня спрашивают, когда я поставила тот или иной спектакль, я всегда начинаю вспоминать так: если Денис родился в 1961-м, то постановка была тогда-то и тогда-то.

Я ведь родила достаточно тяжело. И день, когда мне впервые принесли Дениса, помню по кадрам. В кино ведь как показывают этот момент: открывается дверь, и медсестра говорит: «Сейчас вам принесут вашего ребенка». Следующий кадр – счастливое лицо матери. А что было у меня? После слов медсестры я кинулась – это было на уровне импульса – к тумбочке и принялась искать расческу. Знала, что дети в первые дни своей жизни ничего не

видят. Но все равно не могла позволить, чтобы мой сын впервые увидел меня с растрепанными волосами.

Вся жизнь идет под руководством этого «счетчика». Однажды у меня было большое горе: развод с Евстигнеевым. Мы тогда с ним жили в небольшой двухкомнатной квартире. Это было наше второе жилье, благоустройство которого целиком было на Жене. Мы так с ним договорились: я ездила с концертами типа «Добрый вечер, здравствуйте», получая за выступления, кажется, по 5 рублей, а он делал ремонт. Как сейчас помню, он выложил в гостиной искусственный камин. Чтобы все было как в лучших домах.

И вот, накануне развода, сижу я одна в этой комнате, слезы льются ручьем. Привстала с дивана, потянулась за носовым платком и увидела в зеркале свой зарезанный глаз и часть руки. Знаете, о чем я в ту минуту подумала? Какой гениальный кадр для кино! Представляете? В ту минуту, когда у меня, не переставая, лились слезы, режиссерский счетчик все равно работал.

У меня есть один секрет, как его остановить. Знаете, что я для этого делаю? Моделирую в уме одежду. Поначалу я давала себе задание – думать о море, об отдыхе. Не помогало. И тогда я начинаю придумывать фасоны одежды. Задаю себе такую розово-голубую прозрачную тему. И расслабляюсь.

Но это не значит, что я уж так сильно интересуюсь модой. Только как явлением, отражающим социальную жизнь общества. Я не смотрю журналы, у меня нет такой потребности. Но на некоторые показы хожу. А раньше на рынок любила ходить. На продуктовый рынок хожу постоянно. Знаете, я поняла, что означает понятие «шопинг-терапия». Раньше, когда у меня было жуткое настроение, я приходила домой и начинала готовить: резать, жарить, тушить. От физических движений мозга постепенно переключались и начинали работать по-другому. А сейчас я иду в магазин и что-нибудь себе покупаю.

– Ваш отец Борис Волчек был известнейшим оператором, снявшим такие фильмы, как «Пышка» и «Мечта» с Фаиной Раневской. Он ведь тоже не оставил мемуаров. Но вам-то он что-нибудь рассказывал?

– Папа был очень застенчивый человек, скромный. Все, что хотел рассказать, он говорил своим студентам. Все лучшие операторы – ученики моего отца. Те же Петр Тодоровский, который начинал как оператор, Вадим Юсов учились у папы. А люди, которые его окружали... Я жила в этом кругу. Ездила с ними в одном лифте, они дергали меня за косички, когда я прыгала перед подъездом в классики. Дзига Вертов, Юлий Райзман, Сергей Эйзенштейн. А Михаил Ромм вообще был главным моим воспитателем: день я жила у себя, день у них. Дядя Коля Крючков, дядя Миша Жаров. Тетя Люся Целиковская, обожаемая мною. Я была влюблена в эту красавицу.

– Вокруг вас всегда много молодых и красивых актрис – Ольга Дроздова, Чулпан Хаматова...

– Тьфу-тьфу-тьфу.

– Что вы боитесь сглазить?

– Что много их, молодых.

– Почему вам так везет на окружение?

– Ты хочешь, чтобы я объяснила это тем, что я красивая, как Мэрилин Монро, и талантливая, как Феллини? Откуда я знаю? Наверное, они ощущают доверие. Я же их и разношу иногда. Но любя. А если что, я за своих актеров хоть куда.

– Помните, когда к вам стали обращаться на «вы»?

– Помню, конечно. У меня шок был, все внутри сжималось. Но те, с кем я начинала, обращаются ко мне на «вы» только при третьих лицах. А так я для них и сейчас – Галка да Галя.

– **Время никого, как известно, не щадит. Вы замечаете, как изменились ваши близкие – в театре и вне его?**

– Замечаю. Мы все изменились. Но я категорически не согласна с формулировкой некоторых критиков, которые пишут, что «актриса N превратилась с годами» во что-то там такое. Ни во что наши актеры не превратились. Я считаю идиотизмом, когда нам предъявляют претензии, говоря: «Ну это уже не тот «Современник». Да это счастье, что не тот. Не дай бог, чтобы мы всю жизнь остались бы этими детьми, которых называли шептальными реалистами

Театр «Современник», которым вот уже не одно десятилетие руководит Волчек, один из самых популярных в России. При этом ни один театр критики, кажется, не ругали столь активно, как коллектив Волчек.

Как-то я спросил Галину Борисовну о ее отношениях к ругательным статьям.

– Не могу сказать, что не люблю критику. Я никого не «не люблю». Просто ненавижу любую несправедливость.

Меня еще Ефремов ругал: «Ты такая идейная. Больше, чем я...» Я стараюсь не читать статьи о своих спектаклях. Наверное, потому еще и жива. А причина множества моих ошибок заключается в том, что к людям я отношусь со знаком «плюс». Но это не значит, что на мир смотрю сквозь розовые очки.

В горьковском «На дне» у Сатина есть такие слова: «Вы все скоты, дубье». Я говорила Евстигнееву: «Женя, если ты будешь произносить эти слова с обличительной позиции, то мне такой Сатин не интересен. Мне интересен человек, который говорит «вы», а подразумевает «мы» и себя тоже».

Критика сегодня к понятию «театр» относится с чисто фехтовальной позиции. Перед рецензиями можно эпиграф ставить: «Не любите ли вы театр так, как не люблю его я?»

Так что я критику не читаю, мне рассказывают. Но это не значит, что смотрю на жизнь через розовые очки... Давным-давно существовала одна газетенка, которая выходила в Доме актера. И в ней всем режиссерам присваивали воинские звания. Мне знаете какое дали? Ефрейтора.

Галина Волчек родилась в декабре 1933 года. Ее возраст никогда не был овеян тайной, юбилеи Галины Борисовны всегда широко и отмечают, и освещаются. И при этом она – один из самых современных людей. С ней можно говорить на любую тему. Наверное, символично, что именно такой человек, чувствующий время, находится у руля «Современника». Правда, сама Волчек на вопрос о том, ощущает ли себя впереди времени, отвечает отрицательно.

– Я думаю, что человек, который скажет, что он впереди времени, будет просто идиотом. Это должны сказать другие. Как я себя чувствую в нашем времени?

Да я и в том времени, и в этом привыкла к борьбе. Только раньше приходилось бороться с одним и за одно, а теперь – с другим и за другое. Но борьба все равно существует. И сколько мне суждено прожить, она будет идти и внутри, и снаружи. Борьба – это часть моего положения, моей профессии и всего нашего театра. И спасибо Господу Богу за то, что у меня есть возможность жить и бороться.

Одна из наших бесед была посвящена сорок пятому дню рождения театра. Волчек рассказывала о планах «Современника», а я вспомнил ее признание о том, что все события своей жизни она запоминает и затем использует для работы. Когда-то запоминала

слезы во время развода с Евстигнеевым. А сейчас призналась, что, стоя в двухтысячном у гроба Олега Ефремова, поняла, кто должен поставить юбилейный спектакль. Выбор пал на Ефремова-младшего. И Михаил Олегович действительно постановку осуществил.

– Этот юбилей, думала я, должен быть другим. Меня много раз уговаривали сделать, как это сейчас принято говорить, ремейк «Обыкновенной истории» или «На дне». Но я всегда была против того, чтобы восстанавливать уже ставшие легендами спектакли. И вдруг в голову пришла мысль взяться за «Голого короля», которого не видело молодое поколение.

Мне не хотелось возродить прежнего «Голого короля», с Евстигнеевым и Квашой, которых никто не заменит, да и не должен заменять. Это должен был быть абсолютно новый спектакль, переведенный на сегодняшний язык. Только я начала обдумывать эту идею, как случилось несчастье – умер Ефремов. И когда у гроба Олега я увидела Мишу (которому когда-то доверила хулиганскую, озорную и рискованную идею сделать «Современник-2»), то подумала: а почему бы не Миша? Зачем кого-то искать, когда есть человек, в талант которого я верила и верю? Я пригласила его и сказала, что этот спектакль будет лучшей памятью отцу. Он согласился.

Когда стихли юбилейные торжества, я снова оказался в кабинете художественного руководителя.

– **Галина Борисовна, какое у вас настроение?**

– Настроение? Нормальное. Есть чему порадоваться, чему огорчиться. Есть и чему удивиться.

– **Чему, например?**

– Да хотя бы тому, что я еще до сих пор удивляюсь. Эта способность, на мой взгляд, одна из самых главных для любого художника, какая бы жизнь у него ни была. Я лично на свою никогда не жалею. Да это было бы даже смешно. Зачем жаловаться на судьбу, которая тебе послана? Тем более что в моей жизни было и есть очень много прекрасного.

– **Вы вообще везунок по жизни?**

– Не думаю, что везунок. Просто Бог дал мне очень интересную судьбу, все радости которой я получаю через большие испытания.

– **Это у всех так. Только некоторые притворяются больше...**

– В чем-то мы все притворяемся. И я тоже. Смолоду притворялась много, и все с удовольствием в это верили. Когда у меня не было ни копейки денег, а мой второй муж начал дарить мне какие-то кольца, серьги, я делала вид, что очень состоятельна. Не важно, что в то время все эти драгоценности дешево стоили. У меня и задешево их не было.

А когда появились, я не в сундук их спрятала, а на палец напялила. И с удовольствием жестикулировала руками, выставляя подарки на всеобщее обозрение. Очень гордилась, потому что никто до этого мне ничего не дарил. И сразу дала повод для разговоров. Помню, как одна из почтенных и даже уважаемых мною критикесс говорила: «Какое «На дне» она может поставить с бриллиантами на руках?!» Хотя мне это, естественно, никак не могло помешать делать то, что я делала.

– **У вас действительно бывали времена, когда не было лишней копейки?**

– Ну а как же? Когда мы с Женей Евстигнеевым получили квартиру на Поварской, то распределились: Евстигнеев делал ремонт, а я ездила по стране с вечерами типа «Добрый вечер, здравствуйте». Тогда нам платили по 5 рублей за выступление в сборном концерте.

Это был особый период жизни, когда на афишах писали: «Михаил Козаков и др.». Миша тогда уже был знаменитостью, а мы – актеры «Современника» – были «др.» Никогда не забуду, как мы с Лилей Толмачевой выходили из поезда, приехав в Вологду, и админи-

стратор, этакий местный театральный лев, встречал Мишу: «Козаков, здравствуйте». А на Козакове, только-только начавшем сниматься в кино и еще не успевшем приодеться, было рваное пальто и скромненький костюм. Его спрашивали, указывая на нас: «Козаков, это ваши новые куколки?» Так что я и «куколкой Козакова» побывала.

Так вот, я поехала зарабатывать, а Женя остался делать ремонт в новой квартире... Он был человеком невероятным, с потрясающим воображением. Однажды на гастролях в Узбекистане в один из выходных дней мы попросили отвезти нас в Бухару. Валя Гафт тогда только пришел в театр и много лет спустя рассказывал: «Я хотел сачкануть, но как-то неудобно было: только пришел, все едут, все такие духовные, интеллектуальные, а я вроде не такой... И смотрю – Евстигнеев ходит, озирается и говорит: «Молодой человек, ну ты что, поедешь?» Я обрадовался: «Нет». Он мне: «Мы сейчас с тобой открыточки купим и побываем там лучше, чем они». Так вот эта сила воображения, которая была присуща ему во всем, заставила Женю сделать искусственный камин в типовом доме в 60-е годы. Так что мы хоть и небогато, но жили не хуже других.

Как Волчек рассказывает! Это настоящий спектакль большой актрисы – интонации, жесты! Притом что на сцену Галина Борисовна выходила до обидного мало, а кино и вовсе, убежден, не используя ее актерский дар, понесло громадную потерю. Но Волчек сама сделала свой выбор.

– Галина Борисовна, режиссер – это профессия или диагноз?

– Расскажу вам об одном совершенно потрясающем случае, произошедшем с Георгием Товстоноговым и его сестрой Нателлой, и надеюсь, вам все станет ясно. Георгий Александрович не очень любил самолет и, хоть и был вынужден летать, с трудом к нему привыкал. Каждый раз, когда ему приходилось куда-то лететь, главной его задачей было не смотреть в иллюминатор. Во время одного из полетов он сидел рядом с Нателлой и то и дело командовал: «Перестань смотреть в окно». Она сделала вид, что не слышит. Товстоногов повторил просьбу второй раз. Нателла не выдержала: «Но это же я смотрю, а не ты». А Товстоногов ответил: «А ты думаешь, я не представляю, что ты там видишь?» Даже в такой ситуации он оставался прежде всего режиссером.

– Театр – это террариум друзей...

– Единомышленников. Так говорят.

– Это справедливое выражение?

– Не думаю. Это острое выражение. Остроумное. Оно принадлежит, по-моему, Шурику Ширвиндту, которого я очень люблю. Но сама так думать не могу. Не хочу просто.

Понимаете, Бог дал мне эту счастливую профессию, профессию режиссера. Ефремов, мой учитель, говорил нашим актерам: «Она как режиссер началась знаете когда? Когда из бабушкиных штанов кофту сделала в семилетнем возрасте».

Возглавив после ухода Ефремова театр «Современник», Галина Борисовна заявила о себе на весь мир. И этот театральный эшелон, в котором Волчек и за машиниста, и за проводника, и за буфетчика, летит на всех парах уже не одно десятилетие. Летит, порою прибывая не туда, куда нужно, порою опаздывая, а иногда подходя к перрону раньше времени.

– Галина Борисовна, вы стали первым советским режиссером, которого отпустили на постановку спектакля в Штаты в 1978 году. Как вас туда отпустили?

– Все произошло случайно. В СССР приехала большая группа американских деятелей театра для того, чтобы познакомиться с советской драматургией. Они ходили по всем теат-

рам. В «Современнике» смотрели «Вишневый сад», а в последний день своего пребывания захотели посмотреть и «Эшелон» Рощина. Я сказала, что они ничего в этом не поймут, это же сугубо русская пьеса о простых русских женщинах. Но американцы пришли. Сели в зале, надели наушники. В антракте я зашла за ними. Они сидят. Я вначале подумала, что они не поняли, что это антракт, стала давать им знаки, что, мол, можно покурить, погулять. Они продолжают сидеть. Вдруг одна из американок с такой силой схватила меня за руку, что я решила, что она хочет в туалет. А она говорит: «Галина, я приглашаю вас на постановку этого спектакля в Хьюстон». Я громко засмеялась, понимая, что это нереально – в Америку же никто не ездил. А она спросила: «Когда?» Я наобум ответила: «В декабре». Когда после спектакля я снова зашла за ними, у многих были красные от слез глаза. Я говорю им: «Все, это конец, дальше ничего не будет». А переводчица говорит, что гости хотят посмотреть, как работает механизм,двигающий декорации. По дороге на сцену один из американцев задержал меня: «Галина, я приглашаю вас на постановку этого спектакля в Нью-Йорк. Когда?» Я и ему ответила: «В декабре». А потом я получила еще одно приглашение, теперь уже в Миннеаполис. Вот так все и получилось. На следующее утро, прямо перед их отъездом, был прием в ВААПе. Я была туда приглашена «для мебели», принимал гостей начальник. Я чуть опоздала – меня гаишник задержал. Когда вошла, то не поняла, что происходит. А оказалось, что иностранцы уже успели написать письмо министру Демичеву о том, что меня приглашают в Америку. Была суббота, и никого из начальства не было. И когда кто-то из гостей встал и при журналистах сказал, что в восторге от нашего спектакля и что лучшим подтверждением этому будет приглашение русского режиссера Волчек в Хьюстон, все были в шоке. Присутствующему представителю Минкульта стало плохо. Ему же даже посоветоваться было не с кем. А все ждут его ответа. И он встал и сказал: «Министерство культуры принципиальных возражений не имеет». Так я полетела за океан. Пробыла там три месяца.

– **Гонорар отдавали?**

– Ну а как? Но если до этого нам разрешали 25 процентов, то здесь мне отдавали 50 процентов. Это было невероятно.

– **А магнитофон купили?**

– За мной же по пятам ходили журналисты и смотрели, что я покупаю. Только мы заходили с переводчицей в дешевый магазин – списки же были, кому что купить надо, – как она мне говорила: «Атас!» И я была вынуждена купить люстру. Представляешь, привезти из Америки люстру. По дури. Образ лепила.

– **А вы понимали, в какой стране живете? Слушали «Голос Америки»?**

– Конечно, слушали и все понимали. Но диссидентами не были.

– **Вы себя сегодня уютно чувствуете?**

– Да я и в том времени, и в этом привыкла к борьбе. Только раньше боролась с одними и за одно, а теперь – с другими и за другое. Наверное, все время, сколько мне суждено прожить, во мне будет существовать борьба. Для меня это естественное состояние.

– **Но жизнь удалась?**

– В чем-то да, в чем-то нет. Мне хочется думать, что удалась. И я себя считаю счастливым человеком. Не думаю, что это везение. Все радости я получаю через большие испытания. Но я не хочу себе другой судьбы...

Ее формула Актриса Софи Лорен

Это была нечаянная радость: взять интервью у самой Софи Лорен я даже не мечтал. Но все случилось. В августе 1997 года, когда великая актриса на несколько дней приехала в Москву. Она была гостьей Московского международного кинофестиваля, где удостоилась приза за вклад в мировой кинематограф. Оказалось, что в расписании ее визита есть время для небольшого интервью.

О том, что Софи Лорен приехала на встречу, я догадался за несколько мгновений до того, как она появилась в комнате. Кажется, просто изменилась сама формула воздуха. Такой харизмы я, пожалуй, больше не встречал ни у кого...

– Мадам Лорен, вы являетесь символом женской красоты для всего мира. Неужели правда, что в детстве вы были недовольны своей внешностью?

– Да. Мне было ужасно стыдно за свой вид и рост. В семь лет я была гораздо выше многих моих сверстников. Я не знала, куда деть руки, нарочно сутулилась, чтобы хоть чуточку стать меньше, натягивала на колени подол юбки, из которой давно выросла.

Я ведь росла в довольно бедной семье. Меня воспитывали бабушка с дедом. А мать периодически приезжала и навещала нас.

У меня в школе была очень обидная кличка. Кто-то решил, что я похожа на зубочистку. И несколько лет меня называли не иначе как «эй ты, зубочистка!»

– Кем вы хотели стать в детстве?

– В четырнадцать лет я решила стать учительницей. Мне очень нравился мой преподаватель в сельской школе, где я училась. Он считал меня способной и даже готов был заниматься со мной, чтобы подготовить меня к вступительным экзаменам в институт. Но когда я поделилась своими планами с матерью, она просто рассмеялась и сказала, что моя красота (а она считала меня очень красивой) дана мне для другого.

– Например, для кино, да?

– Мама могла только мечтать об этом. После школы вместе с мамой я стала работать в ночных клубах – приносила посетителям заказы.

– А для чего вы решили взять псевдоним? Фамилия Шиколоне не подходила для работы в баре?

– Кроме работы в баре, я принимала участие во всевозможных конкурсах красоты. И небезуспешно. Моим первым призом стали десять рулонов обоев. А потом к нам в бар пришел Карло Понти, продюсер Джини Лоллобриджиды, которому я очень понравилась. Благодаря ему я получила свою первую работу в кино. Потом мы с Карло поженились.

– Ваша кинокарьера была очень успешной. Впрочем, почему была? И сегодня вы являетесь одной из самых популярных актрис в мире. Кажется, вам удалось получить все премии, которые существуют. Какие воспоминания у вас связаны с первой наградой?

– Ой, я даже не помню, что это была за награда. Их действительно было очень много. Мне памятен «Оскар», а тем более момент, когда меня награждали этой наградой во второй раз. И конечно, я очень признательна вашей стране за призы, которые я получила в России. Мне вообще очень близка ваша страна.

– Вы могли бы здесь остаться?

– Я никогда не думала об этом. К России у меня всегда было очень большое чувство. Я действительно очень люблю эту страну. У вас я чувствую себя как дома. Открою вам свою давнюю мечту. Я хочу показать Россию своим детям. Пусть и они испытают мои чувства.

– **А чем они занимаются?**

– У меня два сына – Карлетто и Эдуардо. Старший сын собирается стать дирижером. Ему бесконечно интересна музыкальная культура России, и он даже собирается приехать сюда, чтобы учиться. А младший хочет стать актером и продолжить семейную традицию. Кстати, он очень интересуется Россией и внимательно следит за всем, что у вас происходит.

В итоге младший сын Лорен и Понти Эдуардо стал режиссером. В 2002 году Софи снялась в его фильме «Только между нами», правда, всего лишь в роли второго плана. А Карло Понти-младший – дирижер Венского оркестра. Все планы детей Лорен, о которых она говорила в Москве, сбылись в точности до слова.

– **А как вы относитесь к России?**

– Конечно, я тоже неравнодушна к событиям в России. Мне кажется, что ваша жизнь – это постоянный экзамен. И что все эти перемены никогда не закончатся. У меня, к сожалению, не было возможности посещать университет. И жизни я училась у нее самой. Так вот из своего жизненного опыта я хочу сказать, что экзамены вообще никогда не заканчиваются.

– **Из множества картин с вашим участием вы можете назвать одну, которая вам нравится больше других?**

– Мне трудно ответить на ваш вопрос. Моя карьера в кино началась очень давно. Я снимаюсь с шестнадцати лет. И я не могу отметить какую-нибудь одну картину. У меня есть фильмов пять-шесть, которые мне дороги. И как раз в этом, я уверена, и заключается мое счастье.

– **Кто та женщина, которую вы играете всю жизнь?**

– Когда актриса играет свою роль, она играет прежде всего то, что ей близко. Так вот я, когда берусь за работу, всегда стараюсь вложить в свою героиню то, что дорого мне.

– **Вам посчастливилось работать на одной съемочной площадке со многими замечательными актерами. Кто из мужчин-партнеров вам запомнился больше всего?**

– Конечно, самым близким для меня партнером является Марчелло Мастоияни. Когда я только начинала сниматься в кино, он был уже достаточно знаменитым актером. Марчелло очень многому научил меня, помог стать настоящей актрисой. И я благодарна судьбе за то, что повстречала его на своем пути.

Наш разговор длился всего около тридцати минут. Ответив на последний вопрос, Лорен поднялась и, улыбнувшись так, словно это было лучшее интервью в ее жизни, отправилась, как говорили, в Новодевичий монастырь.

Спустя несколько лет я оказался в Риме. Незадолго до этого моя коллега брала интервью у родной сестры Софи, которая владеет клиникой пластической хирургии в столице Италии. И та поведала, что Софи часто бывает у нее в гостях – не как пациент, а как любительница фирменного спагетти, которое готовит сестра. Когда Лорен приезжает на родину из Швейцарии, где живет последние годы, обязательно заходит на обед.

Но каждый визит – исключительно родственный. О том, что она когда-либо прибегала к услугам пластических хирургов, актриса не говорит никогда. По ее словам, все дело в генах: «Вы должны были видеть мою маму! Она умерла, когда ей был 81 год, и до конца своих дней она выглядела великолепно и чувствовала, что ей принадлежит мир. Так что дело в хороших генах! Я считаю, что нужно дать природе волю, и не прибегаю к пластической хирургии. Но если собственное отражение кажется кошмаром, то нужно принимать меры.

Красота исходит из души человека. Встретив самую красивую девушку на свете, мужчина может ничего не почувствовать. А другая – с большим носом и большим ртом –

будет излучать нечто удивительное. Вот что поражает нас в людях. Если в человеке нет тепла, он не вызывает интереса, как бы формально красив он ни был».

Сомневаться в искренности слов Лорен мне никогда не приходилось. В конце концов должно же в жизни быть место сказке.

В тот раз в Италии мне захотелось ее увидеть, пусть издали. Помню, я нарочно сел в кафе неподалеку от площади, где располагается клиника сестры Лорен. Конечно же, в надежде увидеть саму Софи. Увы, мне не повезло. Но легенда явно была где-то рядом. Я это почувствовал по воздуху, формула которого, как и в тот раз в Москве, была иной...

Часть вторая Эпоха утраченных гениев

Царица по жизни Народная артистка СССР Галина Вишневская

Ее боялись. Слишком уж грозные были у Галины Павловны вид и голос. Да и за словами Вишневская никогда, что называется, в карман не лезла. Рассказывают, что, только поступив в Большой, она столкнулась с ведущей солисткой театра Марией Максаковой, которую фактически выживали из театра. Мария Петровна подошла к молодой певице: «Я слышала, у вас непростой характер. Не хотела бы я оказаться с вами на одной сцене». Реакция Галины Павловны была мгновенной: «А вам это и не грозит. Вы же на пенсию уходите».

Правда, сама Вишневская, по ее признанию, о тех словах жалела. Но ее многие опасались по-прежнему. Я поначалу тоже испугался. Написал на листочке список вопросов, а заглянуть в него так и не решился. Сидел, как на экзамене, с прямой спиной и чувствовал себя провинившимся студентом. Галина Павловна никаких оснований для этого не давала. Но мне все равно тогда показалось, что она мною недовольна...

Спустя пять лет мы встретились вновь. Вишневская была все та же. Но я ее уже не боялся. Потому что видел, как она только что разговаривала со студенткой своей Школы оперного искусства...

– Галина Павловна, мне кажется, вы стали мягче.

– Это правда. Сама замечаю. Наверное, все происходит из-за того, что я много общаюсь с молодежью. Понимаю, что должна себя сдерживать, чтобы не ранить их словом: знаю на собственном опыте, как это бывает больно. Уже могу иногда промолчать. Хотя когда считаю нужным, всегда говорю то, что думаю...

Этот разговор состоялся через несколько дней после дня рождения Вишневской. Вся комната была заставлена цветами, а сама Галина Павловна, несмотря на праздничный марафон, вовсе не выглядела утомленной и, как всегда, производила впечатление человека, у которого все в порядке. Хотя к тому времени уже было известно, что Мстислав Ростропович, ее Слава, тяжело, неизлечимо болен. Но других это не касалось.

Весной 2007 года Ростропович ушел из жизни. Когда я готовил главу, посвященную Вишневской, для этого сборника, то думал, вносить ли в вопросы, касавшиеся Мстислава Леопольдовича, необходимые изменения.

И решил все оставить так, как было...

– Я слышал интересную историю о том, как в коммуналке, куда вы вселились в детстве, от прежнего жильца-адмирала остался рояль. Стали бы вы той Галиной Вишневской, которую знает весь мир, без этого рояля?

– Я была тогда настолько тупа, ленива и упряма, что ни разу к нему не подошла. Некому было меня бить поленом по голове. Так что никакой роли наличие рояля не сыграло. Но певицей я все равно стала. «Что кому суждено, с тем то и приключится». Так, кажется, говорится в «Фаусте»?

– Это ваше любимое изречение?

– Мое любимое: «И это пройдет». Что мудрее можно придумать? А еще прочла у Марины Цветаевой: «Дать можно только богатому и помочь можно только сильному. Вот опыт всей моей жизни». Страшно, да? Тем, насколько верно замечено. Если у вас есть возможность помочь и вы помогаете слабому, его это не спасет. А вот человека сильного вы лишаете возможности окрепнуть и, встав на ноги, спасти множество людей. Это жестокие законы жизни.

– **Вы всегда знали, что вы – великая певица?**

– О чем вы? Когда меня называют великой, я этого не слышу. Я с самого начала знала себе цену, поэтому воспринимала и воспринимаю все происходящее совершенно спокойно. Я начинала карьеру в оперетте, потом пришла в Большой театр. Никогда не занижала собственную оценку, но и не переоценивала себя.

У меня довольно высокая планка, ниже которой я не опускалась никогда. Я пропела на сцене 45 лет. И, как только почувствовала признаки усталости, тут же ушла, не опустившись ниже того уровня, на котором всегда была. Со сцены лучше уйти на год раньше, чем на неделю позже. Потому что эта неделя может искалечить вам всю жизнь.

– **Галина Павловна, а лень вам знакома?**

– Ну а как же? Но я знаю хороший способ ее победить. Надо просто встать и идти. Хочу-не хочу, а надо. У меня не раз бывало, что вроде чувствую себя неважно, но, чтобы взять бюллетень, даже мысли не приходило. Я понимала: в театр придут люди, кто-то из них на последние деньги купил билет. А я не буду петь только потому, что мне не хочется? Нет-нет, так нельзя.

Вишневская признавалась, что всегда чувствовала себя царицей и никогда не была на вторых ролях. Хотя ее детство и юность вовсе не предвещали того удивительного будущего, которое ожидало впереди.

– Я просто умею жить. Никогда не мучилась поисками смысла. Некогда было: в моей жизни случались периоды, когда и вовсе не приходилось ни о чем таком задумываться. В 15 лет я осталась одна. Была блокада, голод, надо было выживать.

Да, у меня были силы, чтобы менять судьбу. Думаю, все сложилось так, а не иначе из-за того, что родители – мои драгоценные мамаша и папаша, два молодых болвана (прости, Господи, нельзя так о покойниках говорить) – бросили меня маленькую и отдали бабушке. Мне было шесть недель. Я никак не могла понять, почему они так поступили. Очень остро это переживала. Все время хотела доказать им, что вырасту и стану каким-то необычным человеком. Воображала себя в дорогих туалетах, кринолинах, хотела выглядеть, как примадонна в кино... Представляла, как буду блистать, а мать станет рыдать и раскаиваться из-за того, что меня бросила...

– **Одним из своих учителей вы называете Ленинград...**

– Обожаю этот уникальный, ни на что не похожий город. Ленинград – это моя жизнь. Он меня вырастил, воспитал. У меня ведь никого не было, кто бы занимался мною. Семья была простая: бабушка неграмотная, дед – рабочий. У них я и жила. А то, что я имею, дала мне красота города. Самая дорогая для меня награда – медаль «За оборону Ленинграда». Я еще и почетная гражданка Кронштадта.

В Кронштадте Галина, тогда еще Иванова, служила во время блокады. В 18 лет вышла замуж за моряка Георгия Вишневого, с которым прожила всего несколько недель. Под этой фамилией она и вошла в историю как одна из самых ярких оперных див мира.

Однажды, прогуливаясь по Невскому проспекту, Вишневская увидела объявление о конкурсе в Большой театр, который 25-летняя артистка оперетты достойно выдержала и переехала в Москву.

В главном театре страны молодой певице первым делом пришлось заполнить массу анкет в отделе кадров. В графе «род занятий отца» Вишневская написала «пропал без вести». Признаться в том, что Павел Иванов осужден по политической, 58-й статье (за рассказанный в компании анекдот про Сталина), означало поставить крест на своей карьере в Большом.

Каково же было ее удивление и возмущение, когда Павел Андреевич после освобождения из лагеря сам отправился в отдел кадров театра и заявил, что дочь написала в анкете неправду, скрыв его судимость. Так он пытался наказать Галину за отказ взять его на свое содержание.

К счастью, после смерти Сталина 58-я статья перестала быть черной меткой. Однако родитель не сдавался и подал на дочь в суд, пытаясь хоть таким образом добиться от нее денег. Суд его претензии не удовлетворил. И только тогда Вишневская, доказав свою правоту, согласилась выплачивать отцу определенную сумму...

На тот момент она уже была примой Большого театра и женой молодого музыканта Мстислава Ростроповича. Они познакомились во время одного из приемов в ресторане «Метрополь». А роман начался в Праге, где Вишневская и Ростропович принимали участие в фестивале «Пражская весна».

Оформляя документы певицы на выезд за границу, один из чиновников Министерства культуры пошутил: «Не знаю, тянет ли Вишневская на «Пражскую весну». Но вот весной на Вишневскую тянет однозначно».

По воспоминаниям Галины Павловны, ухаживал Ростропович фантастически. Каждый день дарил ее любимые ландыши. А однажды, когда она вслух призналась, как мечтает о соленых огурцах, Ростропович и вовсе совершил невероятное.

Вечером Вишневская открыла свой шкаф в гостиничном номере и замерла: на полке стояла хрустальная ваза, наполненная солеными огурцами. Это все и решило, в шутку говорит Галина Павловна.

Они прожили вместе более полувека. «Жаба», – называл жену Ростропович и дарил всевозможные ювелирные украшения в форме этого не самого, казалось бы, приятного представителя земноводных. «Буратино», – отвечала ему Вишневская.

Казалось, они никогда не ссорились. Воспитали двух дочерей – Ольгу (в последние месяцы жизни матери она переехала из Нью-Йорка в Москву) и Елену (ее дом в Париже).

– Ваши дочери, наверное, всю жизнь хотели доказать, что они сами по себе дорого стоят.

– Чтобы быть самому по себе и свободно идти по жизни, нужно огромное желание. И обстоятельства, которые заставят действовать. У моих дочерей такими обстоятельствами стала семья, которая их обожает. А чтобы добиться такого положения, как у их папы с мамой, надо работать много. На это девочек уже не хватило. А быть в музыке просто так, середнячками? Я сказала: «Не надо, бросайте!»

– И чем они сегодня занимаются?

– Детьми. У одной четверо, у другой двое.

– История о том, как Мстислав Леопольдович сжег на веранде вашей дачи джинсы дочерей, уже стала легендой. А вот как Галина Вишневская общается со своими зятями – тайна.

– Они хорошие ребята, занимаются бизнесом, я к ним отношусь, как к сыновьям. Мы общаемся по-английски, на бытовом уровне я могу поболтать. У меня с ними никогда не

было конфликтов. Потому что за границей все живут отдельно. И я не наблюдаю по утрам, встав в плохом настроении, как мой зять босиком идет через кухню. Меня это не раздражает. Если бы мы жили в одной квартире, то я, может, и дала бы им узнать, что такое русская теща. А так у нас прекрасные отношения – они меня любят, я их...

Как-то я позвонил домой Галине Павловне, и трубку взял Ростропович. Говорил на бегу, так как опаздывал на самолет – летел в Китай и Японию. Встретившись через какое-то время с Вишневской, я не удержался от вопроса:

– Это и есть идеальный брак? Вы, наверное, и поругаться не успеваете.

– Конечно! Мы всю жизнь так и прожили. Иначе давно бы разошлись. Вытерпеть друг друга двум таким характерам, как мы со Славой, очень сложно. Изо дня в день мелькать друг у друга перед глазами? Это же с ума можно сойти. А так улетел – и слава Богу. А через несколько дней звонит: «Ну как ты там? Скучаю уже».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.